

И.Р. Петерсон

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ
УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Монография

Институт педагогики, психологии и социологии

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

Министерство образования и науки Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

И.Р. Петерсон

***История становления
университетского образования
в Западной Европе***

Монография

Красноярск
СФУ
2013

УДК 378.09 (4–15)
ББК 74.484.4 (4)
П293

Рецензенты: С.Н. Ценюга, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева;
А.В. Уткин, кандидат педагогических наук, доцент, проректор по информационно-техническому обеспечению образовательного процесса ФГБОУ ВПО «Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия», заместитель главного редактора научно-педагогического издания «Историко-педагогического журнал»

Петерсон, И.Р.

П293 История становления университетского образования в Западной Европе: монография / И.Р. Петерсон. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. – 136 с.

ISBN 978-5-7638-2690-6

Монография посвящена исследованию развития средневековых университетов в Западной Европе. Проанализированы исторические условия возникновения университетов, их структура, содержание образования, методы обучения, ученые степени и правила их получения. Описана жизнь студентов в средневековых университетах, рассмотрены отношения города и университета, отношение церкви к университету.

Предназначена бакалаврам и магистрам образования и всем тем, кто интересуется историей педагогики.

УДК 378.09 (4–15)
ББК 74.484.4 (4)

© Сибирский
федеральный
университет, 2013
© Петерсон И.Р., 2013

ISBN 978-5-7638-2690-6

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ	6
1.1. Античная школа как прообраз университета	6
1.2. Церковные школы как основа университета	8
1.3. Экономические условия появления первых университетов	12
ГЛАВА 2. УНИВЕРСИТЕТ КАК КОРПОРАЦИЯ	17
2.1. Дотации и привилегии университетам от государства, церкви, частных лиц	17
2.2. Процесс возведения в ученые степени в средневековых университетах	19
2.3. Город и университет	22
ГЛАВА 3. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ: СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ОБУЧЕНИЯ	32
3.1. Анализ понятия «университет».....	32
3.2. Структура средневекового университета	35
3.3. Содержание обучения в средневековых университетах	40
3.4. Жизнь студентов: обычаи и традиции.....	44
ГЛАВА 4. МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ	51
4.1. Модель развития Болонского университета	51
4.2. Модель развития Парижского университета.....	58
4.3. Модель развития университетов Оксфорда и Кембриджа	63
4.4. Модели развития итальянских, испанских, немецких университетов и Университета Дублина.....	74
ГЛАВА 5. НОВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ УНИВЕРСИТЕТОВ: ДЖОН НЬЮМЕН И АЛЕКСАНДР ГУМБОЛЬДТ	83
5.1. Джон Ньюмен: новая модель развития университета	83
5.2. Александр Гумбольдт: новая модель развития университета ...	89
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	98
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	100
ПРИЛОЖЕНИЯ	103

ПРЕДИСЛОВИЕ

Появление университетов в истории человечества стало цивилизационным фактом, повлекшим за собой огромные изменения. Система университетского образования оказала огромное влияние на формирование западноевропейской цивилизации. Университеты способствовали прогрессу научной мысли, усилению общественного самосознания и росту свободы личности. Магистры и студенты, переезжая из города в город, из университета в университет, осуществляли культурный обмен между странами средневековой Европы. Университеты, появившись в XI–XII вв. в Италии, Франции и Англии, были призваны отвечать потребностям институтов управления тех времен – династических королевств и церкви, нуждающихся в бюрократах, обученных навыкам государственного управления и знающих латинский язык. Выпускники гуманитарных факультетов устраивались на работу, где требовались навыки написания писем, соглашений и ведения финансовых записей. Церковь и государство отвечали за соблюдение законов и нуждались в юридических экспертах. Для подготовки необходимых специалистов короли, императоры и священники разрешали группам студентов и преподавателей собираться в Болонье, Париже, Оксфорде и Кембридже. Папский престол выдавал лицензии университетам для присуждения степеней, которые признавались по всей Европе. Степень бакалавра гуманитарных наук стала «золотым стандартом» грамотности и компетентности для занятия административных должностей во всём христианском мире.

С тех пор прошло более девятисот лет, а университеты продолжают оставаться значимым фактором развития цивилизации. В чем причины поразительной устойчивости этого социокультурного феномена? Что позволило университетам развиваться и при этом сохранять пришедшие из далекого Средневековья обычаи, традиции и ритуалы? Каковы же были предпосылки, приведшие к появлению первых университетов, условия и факторы их становления, особенности структуры, содержания обучения, места и роли в средневековом обществе?

В монографии предпринята попытка ответить на эти и другие вопросы. Необходимо отметить, что тема истории создания и развития средневековых университетов в Западной Европе недостаточно

представлена в литературе по истории образования, темы, которые обсуждаются, носят в основном фрагментарный характер. Данная монография призвана восполнить этот пробел и представить анализ становления и развития университетов с эпохи их зарождения до XIX в.

Кроме того, интерес к этой теме был вызван и существенными изменениями, которые последовали после создания Сибирского федерального университета (СФУ). Осознание новой педагогической реальности, формирование новой миссии университета, поиск ответов на новые вызовы времени невозможен, на наш взгляд, без вдумчивого исследования прошлого, истории [26].

И, наконец, свою роль в написании этой монографии сыграл и личный интерес автора. Преподавая на протяжении двадцати пяти лет курс «История образования» – сначала на психолого-педагогическом факультете Красноярского государственного университета, а теперь в Институте педагогики, психологии и социологии СФУ, – автор сталкивается с тем, что тема эволюции средневековых университетов всегда вызывает неизменный интерес у студентов. Поиск ответов на поставленные современными студентами вопросы, дискуссии, проходившие на занятиях, подвигли автора на сбор материала по данной теме. Более того, во многих университетах, описываемых в данной работе, автор побывала лично.

ГЛАВА 1

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

1.1. АНТИЧНАЯ ШКОЛА КАК ПРООБРАЗ УНИВЕРСИТЕТА

Модель либерального образования, которая была впервые создана древними греками и возрождена в Средние века, послужила предпосылкой к появлению университетов. Термин «либеральное образование» возник в эпоху расцвета эллинской и древнеримской культуры (от лат. *leber* «свободный»). Либеральное образование было достойным только свободных людей. «Эта философия, – отмечал американский педагог и мыслитель Джон Дьюи, – была верна фактам социальной жизни, в которых она появилась. Она выражала в интеллектуальных понятиях институты, обычаи и моральные отношения, которые процветали в жизни Афин. Либеральное, или свободное, образование было образованием свободного человека в афинском обществе» [16]. Важно помнить, что свободного в юридическом смысле слов, т.е. не являющегося рабом. Практически это было образование для патриция – человека, свободного от повседневных забот о хлебе насущном. Основная роль, которую преследовало образование, – обучение и воспитание свободного человека. Эту мысль находим у Аристотеля, Платона, Сенеки: «...для чего же мы образовываем сыновей, обучая их свободным искусствам? Дело не в том, что они могут дать добродетель, а в том, что они подготавливают душу к ее восприятию. Как начала, у древних именовавшиеся грамотой и дающие мальчикам основы знаний, хотя не научают их свободным искусствам, но готовят почву для обучения им в скором времени, так и свободные искусства, хотя и не ведут душу к добродетели, но облегчают путь к ней» [35]. Так думал и Платон, в работе «Государство» он утверждал, что целью воспитания должно быть не обучение добродетели, а обеспечение свободного человека средствами к поиску таковой [29]. Сенека выражался еще более определенно: «Ты желаешь знать, что я думаю о свободных науках и искусствах? Ни одно из них я не уважаю, ни одно не считаю благом, если его плод – деньги» [35].

Прообразом университета была Академия в Афинах, основанная Платоном в IV в. до н.э. В ней «добывалось» и развивалось «чистое знание»: математическое, астрономическое, теория музыки и др. При этом происходило также обучение молодых людей «из хороших семей», что открывало перед ними блестящую карьеру. Здесь осуществлялось воспитывающее обучение: такие понятия, как «истина», «благо», «прекрасное», изучались глубоко и серьезно, создавая основу образования. Европейские средневековые университеты переняли и преобразовывали опыт древних греков. Эпоха античности дала образцы сочетания научного познания, обучения и гражданского воспитания.

Появление в Древней Греции не только форм, но и теории либерального образования позволяет говорить о существовании двух параллельных систем общественного образования, в основе развития которых лежало разделение общества на классы. Первой из этих систем стала передача через институт подмастерьев навыков практического труда по производству различных материальных благ, т.е. практическое обучение и воспитание. Вторую систему представлял собой процесс передачи возвышенных духовных и культурных ценностей. Надо полагать, что обе системы оказывали немаловажное воздействие на социальный и культурный процесс в целом.

С гибелью древнегреческих городов, а затем и распадом Римской империи на долгое время ушли в небытие и традиции либерального образования. Идея обучения либеральным искусствам была возрождена в средневековых университетах. Но набор изучавшихся в них «предметов» не ограничивался лишь только искусствами рассуждения и речи – грамматикой, риторикой и логикой, но и включал комплекс точных наук – арифметику, геометрию, а также астрономию и теорию музыки. Остатки античной образованности, «семь свободных искусств» включали в себя *Trivium* (в переводе с лат. «трехпутье») грамматику, диалектику, риторику и *Quadrivium* (в переводе с лат. «четырепутье») арифметику, геометрию, астрономию, музыку. Предполагалось, что овладение семью искусствами имеет первостепенное значение для развития интеллекта свободного человека. Эти два основных цикла были пропедевтикой, т.е. своего рода подготовительным факультетом к овладению профессиями юриста, теолога и врача. Таким образом, в Средние века либеральное образование становится не столько достойным лишь свободного человека, сколько стремящимся превратить человека в духовно свободную личность.

Из образования свободного, по точному определению Т. Грановского [8], оно превращается в образование освобождающее. Кроме того, принимая во все большей степени религиозный характер, средневековое либеральное образование ставило своей целью воспитание набожности и внедрение в сознание студентов постулатов религиозного морального кодекса.

Одновременно за основу либерального образования стало приниматься большей частью изучение классической литературы (теологической, философской, художественной), считавшейся кладезем «вечных истин», без ознакомления с которыми невозможно подлинное освобождение человека. Литература превратилась в основное средство высвобождения интеллектуальных сил человека и воспитания в нем добродетели. Либеральная теория выдвигала задачу повышения культурной насыщенности индивидуальной человеческой личности. «Либералисты» полагали, что культурно обогатить человека можно без учета общественных явлений или тенденций, и лучше это делать вообще вдали от общественных воздействий и соблазнов.

Таким образом, теория либерального образования была ориентирована на потребности отдельных личностей, а не общества в целом. Но при этом носила элитарный характер и в целом ставила своей целью не совершенствование посредством образования всеобщих социальных условий, а развитие интеллекта, духовного потенциала человека.

1.2. ЦЕРКОВНЫЕ ШКОЛЫ КАК ОСНОВА УНИВЕРСИТЕТА

Люди эпохи Средневековья в школах, как правило, не обучались, к жизни их готовили в семье. Крестьяне, составлявшие подавляющее большинство населения, приучали детей к труду с раннего возраста. Ремесленник передавал наследнику секреты своего мастерства. Купец рано начинал брать сыновей и племянников в свои опасные торговые поездки. Рыцарь сам обучал сына верховой езде, открывал хитрые, только ему известные боевые приемы. Детей могли отдавать «в люди» для овладения мастерством. Юный паж в свите знатного сеньора считался его домочадцем, членом семьи. Ремесленник, бравший мальчика в ученье, обязывался быть к нему строгим, но справедливым, как к своему сыну. В Средние века было немало учебников, написанных как античными, так и средневековыми авторами. Они излагали законы военного искусства, рассказывали, как пра-

вильно вести счетные книги, как оформлять торговые сделки, были в них советы, как воспитывать девочек, были ремесленные рецепты, трактаты по земледелию. Процесс подготовки к практической жизни назывался «делом», «мастерством», иногда «искусством».

Но «образованность», достижение знаний, мудрости были совсем иными. Образование называлось «*litteras*», образованные люди – «*litterati*». Это слово указывало на связь понятия с книгой, текстом, писанием, в первую очередь Священным Писанием. Но, только владея латынью, человек мог читать Писание и достичь подлинных знаний. «Мы говорим «образованный человек», но в Средние века сказали бы «клирик», человек Церкви. Клирики во всем отличались от прочих людей. Они и одевались по-другому, и тонзуру на макушке вырывали, им запрещалось жениться, проливать кровь, торговать. Они были ближе к Богу, обладая магической силой свершать таинства, претворяя вино в кровь, а хлеб – в плоть Господню» [11].

Семьи у клириков не было, знания не передавались от отца к сыну, чтобы стать клириком, необходимо было учиться. Клирик должен был много знать и уметь, он обязан был читать Псалтырь (основную богослужебную книгу), а для этого нужно было знать латинский язык, чтобы нести слово Божие прихожанам, наставляя их, для этого необходимо было знание риторики – искусства красноречия. Клирику нужно было правильно организовать церковные песнопения, а для этого требовалось знать музыку. Без арифметики и астрономии нельзя было правильно исчислять дни Пасхи и других церковных переходящих праздников. И, конечно, требовалось знание основных догматов веры [40].

В Средние века образованными становились и миряне – короли, аристократы, купцы, а к концу эпохи – медики, юристы, нотариусы. Но по-прежнему в сознании людей образованность оставалась в первую очередь уделом клириков. Педагог начала V в. Марциан Капелла в стихотворном трактате перечисляет «семь свободных искусств» – грамматику, диалектику или логику, риторику (тривиум), геометрию, астрономию, арифметику, музыку (квадривиум), семь служанок высшей мудрости – филологии, как называл ее автор. Эта аллегорическая поэма, где кратко излагалась суть каждого «искусства», стала излюбленным дидактическим чтением в Средние века, когда ценились аллегории.

В эпоху Средневековья только крупные города могли позволить себе организацию собственной соборной школы, существующей при

кафедральном соборе. Программа соборной школы, состоящая из семи свободных искусств, была окончательно сформирована к X в. Она являлась своеобразным педагогическим наследием античности и состояла из предметов тривиума и квадравиума. Первая и наиболее легкая ступень (тривиум) и вторая, более сложная (квадравиум), послужили теми семью путями, которые вели, с точки зрения средневековых схоластов, к истинной учености.

Школы при соборе выступали, прежде всего, наставническим учреждением, учившими правильно жить. Семи свободным искусствам предшествовали азы, предварявшие все остальное: изучение азбуки, заучивание псалтыря, чтение на латинском языке и обучение письму, вначале на восковых дощечках и только потом пером и чернилами на пергаменте. В программе тривиума в курсе грамматики высшим достижением считалось сочинение стихов на латинском языке. Риторика в соборной школе – это искусство делопроизводства. Здесь форма деловой бумаги составляла содержание данной дисциплины. Именно в курс риторики включалось и изучение права. Логика, или диалектика – искусство рассуждать, была очень важной дисциплиной. Именно она выступала движущей пружиной универсального механизма средневековой учености. Как писал Абеляр: «Она (логика) – дисциплина дисциплин, она учит учить, она учит учиться, в ней рассудок обнаруживает себя и открывает, что он такое, чего хочет, что видит. Она одна знает знание и не только хочет, но и может делать знающим» [25].

Метод средневековой учености – схоластика – мастерство рассуждать; обучение учить и обучение учиться. Только на этом пути, считает Абеляр, в логике рассудок обнаруживает себя, открывая, что он такое. Схоластика (лат. *scholastic*) – в основе лежит древнегреческое значение школьный, ученый. С. Аверинцев [1] характеризует схоластику как тип религиозной философии, опирающейся на теологию и метод соединения догматических предпосылок с рационалистической методикой, с особым вниманием к формально-логическим процедурам. Ориентация на жестко фиксированные правила мышления помогла схоластике сохранить преемственность интеллектуальных навыков, необходимый понятийно-терминологический аппарат через возрождение античного наследия.

В курсе астрономии, относящейся к программе квадравиума, ученик учился исчислять пасхалию (церковный календарь). Сюда входили такие умения, как деление времени, расчеты солнечного

и лунного месяца, солнцестояний и равноденствий, наблюдение за планетами, толкование знаков зодиака.

Пение в соборной школе было тем, что называлось музыкой в составе квадривиума. Именно пение формировало богобоязненного и богоугодного человека, поскольку являлось обязательной частью богослужения. Хор был в каждой соборной школе. Руководил им капитул (глава школы), но курировал хор непосредственно схоластик (учитель). «В обязанности схоластика, – пишет Т. Грановский, – входит надзор за учениками в хоре и в школе по всему, что касается поведения и науки. И должен схоластик следить, чтобы не было путаницы в хоровом пении и в том, что поется и читается в церкви, и должен он эти непорядки исправлять, наказывая за них» [8]. Собственно, петь учили те, кто сам умел петь: они демонстрировали свое умение в качестве образца для воспроизведения.

Геометрия была ориентирована на землемерие: обучали приемам вычисления площадей треугольника, четырехугольника, круга. Основой изучения геометрии были «Начала» Евклида: изучались теоремы геометрии, которые в порядке расположил в своей книге Евклид. Но главным образом сутью геометрии было описание земли и населяющих ее существ.

Школьная программа соборной школы, конечно же, не могла не опираться на обязательный библиотечный минимум учебников. Этот список называется по первым словам – «Священник у алтаря», а его автором считают Александра Неккама. В список входили книги греческих и римских авторов, предназначенные для изучения тривиума и квадривиума. Необходимо особо выделить роль книги в развитии соборных школ. С развитием соборных школ, «книжной учености» изменяется и роль книги. Монастыри знали книги уже в начале Средних веков. Но книга монастырская и книга школьная весьма отличались друг от друга по своим функциям. Монастырская книга играла прежде всего роль сокровища. В отличие от этого книга школьная выступала инструментом познания культуры. До изобретения книгопечатания книга оставалась дорогой, несмотря на все технические ухищрения (скоропись, быстрое размножение с помощью специальных приспособлений, отказ от миниатюр или же использование одних и тех же иллюстраций). Десакрализация книги сопровождалась и рационализацией методов интеллектуальной работы.

Изменение функции книги стало существенным фактором для формирования нового европейского мировоззрения. Книга несла с

собой распространение письменной культуры – и в первую очередь письменного доказательства истины. Феодалное право, так же как и римское, и каноническое право, оформлялось в договорах.

В соборных школах были сформированы и требования к учащимся. Так, школяр, начинающий обучение свободным искусствам, должен завести двойные таблички и записывать на них все достойное запоминания. Практиковались и физические наказания: за небольшие проступки мальчиков слегка ударяли лозой по рукам; розгами же наказывать разрешалось только в случае крайней необходимости.

1.3. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПОЯВЛЕНИЯ ПЕРВЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Начальный этап развития университетов (1158–1378) ознаменовался тем, что наступал конец феодального Средневековья, появились зачатки новой эпохи. В Европе началось «великое переселение народов». Испытав нашествие «варваров», Италия начинает строительство городов, ставших центрами ремесел, торговли, культуры. В XIII в. крестьяне Северной и Средней Италии становятся лично свободными, но лишаются земли. Они направляются в города. Наступает время бурного роста городов, перехода от господства феодальной аристократии к власти бюргерства, зарождающейся буржуазии. Через Сицилию и Толедо (1150–1250) в Европу проникают интеллектуальные труды Аристотеля (в переводах с греческого и арабского языков), необычайно популярного автора, которого называют «учителем всех, кто знает».

Города становятся новыми центрами экономической и культурной жизни. В процессе отделения ремесел от сельского хозяйства в городах возникает товарное производство, входит в обиход денежное обращение, появляются купцы, ремесленники, растёт интерес к открытиям, путешествиям, всё сильнее дают о себе знать зачатки рационалистического подхода к жизни, растёт самосознание у населения. В это время шло осмысление закономерностей развития окружающего мира, стихийно складывались попытки объяснения природных явлений, движения небесных тел, в противовес библейскому представлению о сотворении мира поднимались «на щит» учения античных авторов об атомном строении Вселенной.

Так, в медицинской школе итальянского города Салерно изучали анатомию и физиологию человека, психологические процессы,

реакции организма на среду обитания. Быстро развивалась практическая медицина. Был принят и утверждался в жизни «Салернский кодекс здоровья». В раннем свидетельстве о существовании медицинской школы в Монпелье говорилось, что «юноша, прибыв сюда <...> постигая причины вещей и размышляя над тайным. Не о богатстве мечтал он или погоне за счастьем, но точно стремился прочесть Знаки в книге Природы» [36].

В период зарождения университетов в европейском общественном сознании происходили серьезные сдвиги: углубление человека в свой духовный мир, размышления над происхождением его содержания, процессами изменения своих внутренних состояний. Важное место в культуре начинают занимать вопросы сознания и самосознания. Переворот, совершенный в осознании сложных проблем внутренней психической жизни личности и коллективной психологии, связан с именем Пьера Абеляра, который утверждал, что те, кто незнаком с Евангелием, содержащим закон нравственной жизни, свободны от вины. Проблемы покаяния, раскаяния, раньше разрешавшиеся путем религиозных наказаний, теперь становятся проблемами самой личности, которая обращается не только к церковным книгам, но и к искусству. Последнее приобретает нравоучительный характер. В первую очередь это касается иконографии: «Неграмотные созерцают в живописи то, чего они не могут прочесть» [4]. Растёт интерес к абстрактным наукам, делаются различные умозрительные заключения об устройстве мира и закономерностях его развития. На смену одним авторитетам приходят другие, они стремятся постичь таинство сотворения мира, понять смысл бессмертия души. Один из схоластов раннего Средневековья писал следующее: «Едва только узнавал о процветании где-либо искусства диалектики и о людях, усердствующих в нём, как я переезжал для участия в диспутах из одной провинции в другую, уподобляясь, таким образом, перипатетикам» [36]. Интерес к произведениям античной поэзии на занятиях грамматикой проявлялся в различных церковных школах. Особенно прославилась школа в Париже. Именно сюда стремились многие. Устремился в Париж и Пьер Абеляр, который собрал вокруг себя множество паломников, учеников. Студенты-вольнодумцы «начали отовсюду стекаться, покидая города и замки, селиться в пустыне, вместо домов – строить маленькие хижины, вместо изысканных кушаний – питаться полевыми травами и сухим хлебом, вместо мягких постелей устлавать себе ложе из сена и соломы, а вместо столов –

делать земляные насыпи». Так поведал о тяге к знаниям и свободе у школяров в «Истории моих бедствий» П. Абеляр [4].

Итак, европейская культура эпохи Средневековья благодаря зарождению науки и книжной образованности приобретала новый облик, в котором важными чертами выступали интеллектуализм, рациональное сознание.

Но были и другие немаловажные факторы, способствовавшие появлению университета. В первую очередь это потребности общества в большом количестве грамотных, хорошо образованных специалистов: теологах, «практикующих» священниках, юристах, врачах, «делопроизводителях». Открытие в городе университета способствовало оживлению городской жизни, развитию науки, промышленности. Успешно развивались и практические науки – медицина и юриспруденция.

Специфическим видом экономической и культурной жизни, например итальянских университетских городов, было создание *stationes* («станций»), отмечает исследователь средневековых университетов Н. Суворов [36]. Здесь во многих экземплярах хранились пособия для университетских школяров (*corpus iuris, summa codicis* и др.). Владельцы этих своеобразных лавок-библиотек – *stationarri* – представляли студентам на время или продавали такие пособия. «Станции» требовали производства материала для письма и наличия грамотных переписчиков, что расширяло круг как производителей и торговцев, так и образованных людей. Университеты, становясь частью городской культурно-экономической жизни, находились под покровительством городских властей. Иногда, однако, случались и конфликты между городом и университетом. Городские власти систематически рассматривали вопросы, связанные с делами университетов. Так, Болонья – город, основанный на развалинах римских поселений, благодаря университету и притоку иностранных капиталов превратился менее чем за два века в процветающий культурный центр.

Рост городов, регулирование денежных и торговых отношений настоятельно требовали развития права/законодательства, в первую очередь земельного права/законодательства, а также права на частную собственность. Появляется потребность в возрождении римского права, которое начали изучать в специализированной школе Болоньи. Усложняющиеся экономические отношения способствовали смене так называемого устного права на право «писаное». Необходи-

можно отметить, что в Болонье частные школы права действовали ещё в XI в. Таким образом, уже существовавшие и имевшие высокую репутацию болонские специализированные профессиональные школы права выступали «платформой» для формирования и развития университета.

В соответствии с терминологией римского права средневековые юристы называли университетом (*universitas*) всякий организованный союз людей, корпорацию. Исторически первые университеты относятся к той же эпохе, когда возникают самостоятельные городские общины и ремесленные цеха. Следовательно, корпорация, образовавшаяся с целью научных интересов, была лишь видовым понятием, подходившим под общее понятие университета как организованного союза людей. На самом деле первоначально слово «*universitas*» не служило для обозначения совокупности всевозможных предметов обучения. Пришедшее из римского права, оно применялось для определения групп лиц по роду их деятельности, т.е. некоторых сообществ: каменщиков, врачей, правоведов. Этим словом назывались городские корпорации или гильдии мастеров и ремесленников, которые существовали задолго до появления осознающей свое единство «совокупности схоластов». В те времена университеты были лишь одной из разновидностей городских гильдий. Исследователи истории средневековых университетов [5, 7, 9, 11, 14, 32, 36] говорят о сходстве строя университетов как корпораций со строем ремесленных цехов. Ученое ремесло облекалось в те же формы, что и любое ремесленное производство: общее собрание членов под председательством главы, дисциплина, последовательность градаций среди членов сообщества. Градации школяров, бакалавров и магистров или докторов соответствовали цеховым градациям учеников, подмастерьев и мастеров. Желающий обучиться мастерству должен был поступить в обучение к мастеру (магистру). После двухлетнего изучения начальных оснований ремесла мастер представлял своего ученика другим мастерам для испытания, выдержав которое ученик становился подмастерьем (бакалавром). Бакалавр продолжал учиться, но в то же время под руководством своего мастера начинал преподавать другим элементы приоритетного им знания, браться за самостоятельную работу, чтобы приобрести навык новых и более трудных задач. Затем в процессе учебы после двухлетней деятельности в качестве подмастерья-бакалавра новое испытание в присутствии мастеров давало ему право стать мастером науки. Исследова-

тели истории средневековых университетов настаивают на сходстве строя университетов как корпораций, создававшихся для реализации научных интересов, со строем ремесленных цехов. В этой связи неудивительно, что, например, во Флоренции ревизия университетских статусов поручалась той же комиссии, на которую были возложены контроль и ревизия статусов различных ремесленных ассоциаций.

Итак, университеты формировались в первую очередь как социальные сообщества, учебно-научные образовательные и культурные центры.

ГЛАВА 2

УНИВЕРСИТЕТ КАК КОРПОРАЦИЯ

2.1. ДОТАЦИИ И ПРИВИЛЕГИИ УНИВЕРСИТЕТАМ ОТ ГОСУДАРСТВА, ЦЕРКВИ, ЧАСТНЫХ ЛИЦ

Средневековые университеты получали от своих основателей различные привилегии. Привилегии были как папскими, так и императорскими, королевскими или княжескими и по сути своей – духовными или светскими. Привилегии имели характер освобождения от выполнения общих законов – как церковных, так и государственных – или выгодных и почетных преимуществ, или совмещали и то и другое. Часто князья и магистраты тех городов, где находились университеты, обеспечивали университеты своими собственными средствами, назначали жалование профессорам, жертвовали дома и земельные участки.

Первая известная привилегия датируется 1158 г. и была дарована императором Фридрихом I Барбароссой Болонскому университету. Полный текст грамоты Фридриха I приведен в прил. 1. Привилегия Фридриха стала основой для массы позднейших грамот, дававшихся университетам императорами и другими государями. Так, в Болонье и в других университетских городах Италии, а также в возникших гораздо позднее университетах Германии господствовала идея о том, что наука принадлежит целому миру, что штудирующие собираются в данное место со всех концов мира и образуют здесь общину чужеземцев в противоположность местной городской общине. В Болонье данная противоположность была выражена более резко, чем где-либо: школяры – болонские граждане долгое время стояли вне болонской университетской корпорации. В более позднее время, когда противоположность между школярами – чужеземцами и школярами – болонскими гражданами ослабла, ее следы сохранились в том, что имена тех и других заносились в особые матрикулы [24]. Квартирный вопрос, всегда остававшийся наиболее острым именно для пришлых в университетском городе людей, имел первостепенную важность в истории всех университетов. Привилегия Барба-

россы была дарована тем, кто «предпринимают путешествия ради научных занятий» [32]. Но так как предпринимать путешествия с научной целью могли не только учащиеся, но и учащие, то во многих университетских итальянских городах стало обычным делом приглашать или просто переманивать к себе профессоров с высокой репутацией из других городов.

Со временем привилегии становились все более обширными и разнообразными. Одной из главных привилегий средневековых университетов была привилегия особой подсудности. Привилегия создавала особую подсудность для членов университета, освобождая таким образом членов университета от подсудности городских судей. Студенты отныне в случае совершения какого-либо правонарушения становились подсудны только перед своими университетскими учителями или местным епископом (по выбору школяров). Привилегия особой подсудности, с изъятием из круга ведомства общих судов, давалась членам университета отчасти папами, отчасти императорами, королями или князьями (по предметам, входившим в компетенцию общего светского суда) и, что очень важно, не только членам университета в собственном смысле, т.е. учащим и учащимся. Понятие «члены университета» эпоху Средневековья трактовалось намного шире. Все это были «члены и подданные университета», или, как еще их называли, «академические граждане». Сюда относились книгопродавцы, торговавшие книгами или отдавшие их в прокат нуждающимся школярам, продавцы бумаги и пергамента, переписчики, а с изобретением книгопечатания типографщики, переплетчики и орнаментчики (золотым тиснением и гравюрами), аптекари, содержатели бань, мастера инструментов математических, астрономических и хирургических. Даже трактирщики, в заведениях которых собиралась штудирующая молодежь, претендовали на привилегированную подсудность, в эту группу тем более входили и банкиры, ссужавшие членов университета деньгами, и посыльные, через которых за неимением почты в Средние века шла корреспонденция – как простая, так и денежная. Тех, кто ссужал школяров деньгами под залог или под поручительство, называли большими посыльными, или посыльными первого ранга.

В Средние века обособленная подсудность членов университета определялась разными соображениями. Сама идея университета как корпорации пришельцев вела к обособлению этой корпорации от корпорации граждан и в области судебной. Бесспорным считалось,

что незначительные проступки и, разумеется, нарушения школьной дисциплины подлежат университетскому суду. Наказания за них состояли в наложении денежных штрафов и исключении из университета. В большей же части германских университетов был принят принцип, что члены университета, виновные в тяжких преступлениях, тем самым теряют привилегии университета и в зависимости от их академического звания выдаются ординарному духовному или ординарному светскому судье.

Помимо освобождения от общей подсудности члены университета освобождались от таких повинностей, как воинская, сторожевая и караульная. Также члены университета были избавлены от податей и налогов, дорожных и таможенных пошлин. Чрезвычайно важной привилегией, выражающей саму сущность университета, было право возводить в ученые степени и право возведенных в ученые степени на повсеместное признание. Важной привилегией университетов также было право иметь собственный герб. В приложении 4 представлены гербы старейших университетов Западной Европы.

Также повсюду была распространена практика недопущения в средневековые университеты женатых мужчин. Причина этого была не столько в безбрачии духовенства, сколько в сформировавшемся в академической среде представлении о несовместимости брачного состояния с наукой. Так, например, против имени одного профессора в венских матрикулах сохранилась пометка «впав в безумие, женился»: безумным считалось вступление в брак [32].

2.2. ПРОЦЕСС ВОЗВЕДЕНИЯ В УЧЕНЫЕ СТЕПЕНИ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ УНИВЕРСИТЕТАХ

В университете существовали следующие ученые степени: бакалавр, магистр, доктор. Рассмотрим, что подразумевали эти степени и каковы были процедуры их получения. Степень бакалавра была первой. Этимология слова «бакалавр» до сих пор точно не установлена. На латинском языке оно писалось по-разному: *baccalarius*, *bacularius*, *bacellarius*, *bachilarius*, *bacchalarium*, *baccalaureus*. Одни исследователи производят слово «бакалавр» от лат. *baculus* (что означает палка), объясняя происхождение тем, что школяр, выдержавший бакалаврское испытание, мог пригласить на пирушку своих приятелей, в особенности экзаменаторов, и вести их до своей квартиры, держа в руке факультетский «скипетр» (*baculus*, *virga*, *scepturm*) [14].

Вторая версия дает следующее объяснение: выдержавшему испытание на звание бакалавра давался жезл как символ учительского авторитета. Некоторые производят слово «бакалавр» от ветки лаврового листа (*bacca laurea*), которой увенчивался выдержавший испытание [5]. Однако эти версии не отражают идеи подчиненного или второстепенного ранга, которая, несомненно, связывалась в Средние века с латинским *baccalarius* и с соответствующим французским словом *bachelier*. Бакаларием назывался вассал нижнего порядка, сидевший на помещицкой или церковной земле земледелец, или каноник низшего ранга в церковном капитуле, или подмастерье в ремесленных цехах, или небогатый воин, чтобы повести с собой на войну достаточное число вооруженных людей. А французы своего *bachelier* прямо производят от *bas chevalier*: термин из французской феодальной военной организации, означавший экипированного воина, шедшего на войну за свой счет, но без свиты. Любопытно также, что во Франции неженатая и незамужняя молодежь называлась *bacheliers* и *bacheletters*, очевидно, потому, что не поднялась еще до состояния семейных людей, живущих своим домом. Из всего этого следует, что и с академическим бакалавром связывалась мысль о чем-то низшем, второстепенном или, точнее говоря, мысль о нем как о преподавателе низшего ранга, подмастерье ученого цеха.

В парижских статутах бакалаврство было названо «первою дверью для достижения прочих степеней» [18]. Перед получением степени бакалавра претендент должен был принести присягу в том, что будет повиноваться факультету и исполнять все возлагаемые на него факультетом обязанности, оказывать почтение и повиновение декану, коллегии докторов или магистров и каждому из них в отдельности, не нарушать статуты, прав, вольностей, постановлений, обычаев ни прямо, ни косвенно, ни открыто, ни тайно, ни молчаливо, ни явственно. В текст присяги входило и обязательство новоиспеченного бакалавра устроить обед своему патрону (доктору или магистру), под руководством которого он штудировал ученую премудрость и который ходатайствовал перед факультетом или нацией о допуске бакалавра к испытанию.

Бакалавры, не переставая учиться, могли и сами преподавать. Более того, университет даже рассчитывал на их преподавательский труд. На факультете семи свободных искусств их преподавательская деятельность всегда держалась в скромных границах, потому что преподавание здесь всегда считалось важным делом самих ма-

гистров, которых к тому же всегда было много на этом факультете. На медицинском факультете бакалавры могли читать школярам те книги, которые были прослушаны ими самими. На юридическом факультете обычно чтение сборников папского законодательства поручалось бакалаврам. Но особенно усиленной была деятельность преподавателей-бакалавров на богословском факультете. Так как по заведенному порядку доктора теологии были обязаны читать лекции только раз в две или три недели, председательствуя лишь на диспутах и участвуя в испытаниях и торжественных актах университета, то преподавание на богословском факультете в действительности велось силами бакалавров.

Защита докторской диссертации проходила в соборе весьма торжественно. Кандидат приходил туда в своей лучшей одежде в сопровождении друзей. Возглавляли процессию университетские педели (надзиратели за студентами в университете), архидиакон и профессора. Кандидату должно было быть не меньше двадцати лет, к этому времени он оканчивал восьмилетний курс гражданского права, шестилетний – канонического права и пять лет обучался медицине. Два доктора, которые предварительно экзаменовали кандидата, выступали в роли его спонсоров и во время процессии шли рядом с ним. Придя в собор, кандидат делал доклад, а после этого профессора и студенты задавали ему вопросы. Этот диспут играл главную роль в получении искомой ученой степени. Если претендент успешно отвечал на многочисленные вопросы, был логичен и убедителен в своих умозаключениях, ему вручали знаки отличия: книгу, кольцо и академический головной убор – берет – как символ учительского достоинства, после чего подводили к «трону». Церемония была впечатляющей: звучали трубы, собиралось огромное число студентов всех национальностей. Кроме того, должен был состояться торжественный прием для ввода лицензиата в коллегия профессоров.

На богословском факультете существовала своя градация бакалавров. В зависимости от того, что и как поручалось им преподавать и как они двигались в своих занятиях, бакалавры делились на несколько категорий. Так, к первой группе так называемых библейцев относились бакалавры, которые читали Библию: подряд и в назначенные дни и часы занятий или бегло и на выбор одну книгу из Нового, другую – из Ветхого Завета и вне регулярных часов занятий. Во вторую группу бакалавров входили так называемые сентенциарии, читавшие сентенции Петра Ломбарда – средневековый

официальный учебник догматического богословия. И, наконец, в третью группу входили уже вполне образованные бакалавры, которые главным образом практиковались в проведении диспутов и проповедей, подготовленные к предстоящему испытанию на получение лицензии. Разумеется, не все учащиеся, получившие бакалаврскую степень, хотели продвигаться дальше на ученом поприще: большинство, получив эту степень, оставляли университет для занятия церковных и государственных должностей. Диплом бакалавра не выдавался, но по желанию могло быть выдано письменное удостоверение в получении степени бакалавра от факультета, а выпускникам артистического факультета – от нации.

Для проведения публичных испытаний на соискание ученых степеней назначались определенные сроки или периоды (на медицинском, юридическом и богословском факультетах испытания проходили раз в два года), форма и процедура испытаний была различная.

2.3. ГОРОД И УНИВЕРСИТЕТ

Город играл важную роль для развития высшего образования в Западной Европе, где университет представлял «развившийся по своей природе, а не учрежденный кем-то» институт. Такое самостоятельное, товарищеское объединение преподавателей и студентов само выбирало себе город, в котором обосновывалось. Заручившись юридической поддержкой папы или императора, университеты представляли собой привилегированные корпорации. Город и университет образовывали две отдельные, самостоятельные юридические сферы – и такая «обособленность» высшей школы считалась необходимой предпосылкой «для предоставления студентам свободы, требующейся для их частной жизни и их образования, а также для освобождения их от обязательств остальных горожан». Историки сходятся во мнении [6, 7, 9, 30], что университет для своего выживания нуждался в городе и мог существовать только в нем. В средневековой Европе возрождение города и рост учености под эгидой университета происходили одновременно, и с тех пор они развивались в плане совместной истории. Университет нуждался в инфраструктуре города, а городской менталитет был более открыт по отношению к науке, чем крестьянский и аграрный. «Университет – это городское изобретение» [7].

Из-за тесного сосуществования города и университета (субъекты разных правовых систем) должны были возникнуть инструкции по урегулированию двусторонних отношений. Конфликты между университетом и другими корпорациями (например гильдиями) приводили порой к временному закрытию отдельных университетов или даже к сецессии – уходу студентов и переносу университета из одного города в другой. Поскольку для покинутого города это могло иметь негативные экономические последствия, зачастую было достаточно лишь подобной угрозы, чтобы добиться удовлетворения требований университета.

На первом этапе развития университеты основывались местными духовными или светскими правителями и во всех таких случаях основатель определял и город местонахождения. Позже начинает формироваться новая тенденция, когда местные правители реформировали существующие университеты и основывали новые. При этом они видели в университетах государственные учреждения, которые обучали и готовили подрастающую смену чиновников и священников для решения духовных и административных задач соответствующей территории.

Отношение между городом и университетом становится частью своеобразного треугольника связей, где третью сторону (помимо университета и города) представляет государство. Например, в Германии прежние корпорации, когда-то автономные и наделенные привилегиями от имени папы или императора, в Новое время полностью подпадали под влияние местного государя. Это меняло также и отношение к городу, в котором располагался университет: чем больше, например, Гейдельбергский университет утрачивал свою традиционную автономию из-за вмешательства пфальцского курфюрста, тем больший вес придавал он своему привилегированному положению в муниципальном (городском или региональном) контексте [38].

Также интересен новый аспект во взаимоотношениях города и университета: отношение к соответствующему локальному обществу и вовлечение в него сотрудников и студентов университета (равно как и университета в качестве учреждения). Город становится одним из «центральных пунктов пересечения и взаимодействия» университета и общества. Студенты и сотрудники университета выступают как группы в составе городского населения. Большое значение для общегородского строительства имело возведение новых зданий университета. Университет в городском пространстве зани-

мал особое место. Первоначально университет (*universitas* ученых и студентов) не имел собственных зданий, а располагался в имеющихся помещениях. И хотя в XIV и XV вв. уже возникали студенческие общезития и коллегии, но и в последующее время занятия также могли проходить на квартирах профессоров или в арендованных помещениях. К примеру, М.М. Стасюлевич, впоследствии историк и либеральный публицист, с удивлением сообщал своему учителю, ректору Петербургского университета Плетневу, о прибытии в Иену в 1858 г.: «Первый вопрос, который мы задали, – где находится университет? На нас смотрели с неподдельным удивлением и отвечали: «Здесь!» Спрашивали в книжном магазине. Поскольку мы сначала приписали подобный ответ недоразумению, то мы поинтересовались вновь о том, где находится здание университета. На что нам ответили – никакого здания не существует, но есть старый дом, в котором собирается сенат (это актовъый зал). Лекции читаются либо в квартирах профессоров, либо в залах, которые снимаются в частных домах. Для нас это было абсолютной новостью. Поэтому и аудитории здесь обозначаются не номерами, а именем владельца дома: имеются лекционный зал Коха, Шильская аудитория в доме русского доктора Шиле... и многие другие. Вот он, настоящий средневековый университет. О начале лекций оповещает колокол городской церкви – одним словом, все здесь в городе служит университету и существует для него» [38].

Таким образом, наряду с пространственной интеграцией университета в городское пространство, берущей начало со Средневековья, происходило также и противоположное развитие – по меньшей мере частичное его обособление.

Экономическое значение университета для города было весьма значимо. Деятельность любого университета была обычно связана с движением значительных денежных средств: это расходы студентов на месте учебы, зарплаты профессоров и служащих, материальные затраты университета. В небольших университетских городах это было явно заметно по сокращению во время каникул и ассортимента в магазинах, и даже уличного освещения – пока «господа» (студенты) отсутствовали. Благосостояние жителей университетских городов было выше, чем в близлежащих промышленных городах, что подтверждается соответствующими документальными данными [6]. Уже само основание университета означало подъем ремесла и промыслов, возросло и число ремесленников, которые были заняты изготовлением товаров для повседневного потребления.

Как правило, город принимал активное участие также в регулировании размера арендной платы и предоставлял субсидии для сдаваемых студентам квартир, а позднее город также бесплатно передавал университету земельные участки для строительства клиники, что, в свою очередь, способствовало оживлению строительного дела. Потребности университета содействовали развитию таких традиционных занятий, как книжная торговля и издательское дело, а также способствовали развитию новых отраслей промышленности. Таким образом, университет, с одной стороны, давал импульсы для индустриализации, с другой – небольшие университетские города не допускали размещения промышленных предприятий в своей черте, что препятствовало дальнейшему экономическому развитию этих городов. Основная причина: приток рантье – вышедших на пенсию государственных служащих и офицеров. Эти места привлекали их разнообразием культурной жизни, а город тем самым получал в свою казну дополнительные деньги. Такой приток новых жителей воспринимался как «источник благосостояния» для города. Еще одну привлекательную сторону маленького университетского города в сельском контексте наглядно резюмировал один историк: «То, что это был город практически без дымовых труб и пролетариата, при этом недорогой и полный послушных, одетых в традиционные местные наряды служанок, весьма привлекало приезжих» [38].

Ориентация города на университет делала его зависимым от высшего учебного заведения. Благосостояние мелких и средних университетских городов было прямо связано с числом студентов. Уменьшение количества студентов во многих отношениях влияло на экономическую жизнь города. Поэтому типичные университетские города ничего не боялись так сильно, как сокращения числа студентов или – более того – планов ликвидации или переноса университета. Так, в истории германских университетов известны случаи, когда горожане даже протестовали против преследования государством популярных профессоров, так как они опасались, что это может повлечь за собой снижение числа студентов, а магистраты городов обращались с прошением на имя короля с просьбой о восстановлении либеральных профессоров в должности, подробно излагая, какие экономические последствия может повлечь потеря данных профессоров для города [38]. Экономическое значение университета для больших городов еще острее выявилось во время различных войн; в связи с тем что большая часть студентов-мужчин ушла в армию, те,

кто сдавал комнаты и был занят в сфере услуг, оказались в бедственном положении.

Как бы сильно ни содействовал университет развитию небольших городов, моноструктурная направленность их экономики оказывалась для них в разные периоды довольно рискованной. По величине и сопоставимому значению города и университета (согласно соотношению среднего числа студентов и численности населения города) исследователи различают три типа – в малых и средних городах, насчитывающих свыше 5 % студентов, университет играл решающую роль. К средним и крупным городам, в которых университету принадлежала важная роль, с 2–5 % студентов. В крупных же городах университет играл, напротив, экономически незначительную роль [6]. Независимо от экономической стороны жизни университеты крупных городов обладали значительным культурным влиянием и повышали престиж «своих» городов. Трения с горожанами и напряженность в отношениях с городскими органами власти, в большинстве случаев вызванные студенческими беспорядками, были характерны не только для первых университетов, но и в последующих столетиях сопровождали сосуществование этих разных социальных институций – города и высшей школы. В некоторых небольших университетских городах так и не возникло интегрированного локального общества: мир профессоров был в значительной мере отделен от мира мелкой буржуазии (ремесленников и торговцев). В небольших университетских городах группы горожан проживали в разных районах скорее параллельно друг другу, нежели совместно. Позже городские жители и университетские преподаватели со студентами все же нашли пути к диалогу. В городах создавались различные общества и корпорации, которые соответствовали потребности в общих, согласованных действиях, диалоге для взаимного понимания друг друга. Подобные ассоциации возникали как добровольные объединения личностей, не связанные с правовым статусом их членов (соблюдалось право свободного вступления и выхода). Эти учреждения служили для всех образованных людей того или иного города общим форумом для общения и обмена информацией. Все это было новым социальным феноменом. Основой для создания таких объединений служил тот факт, что человек больше не проживал свою жизнь, руководствуясь только традициями своего сословия, но на основе своих достижений, результатов труда и образования добивался уже личного, достигнутого самостоятельно положения в обществе.

Как уже было отмечено, университеты были неразрывно связаны с развитием городов. В каждом конкретном средневековом городе складывались свои обстоятельства, способствовавшие открытию университета. Так, четвертым городом, в котором высшая медицинская школа приобрела статус университета в то же время, что и школа права в Оксфорде, был французский город Монпелье. Конкретные обстоятельства позволили учащимся и их преподавателям объединиться и создать унитарную корпорацию. Но основные причины сходны с теми, что были в Болонье и Париже: экономическая значимость региона, расцвет культуры, стихийно возникший центр высших специализированных профессиональных школ (медицины, богословия и права), которые привлекали издалека иностранных студентов. Определяющую помощь в организации университета оказывали церковная и королевская власть. Необходимость утверждения учебного заведения, т.е. получение буллы от папы, сохранялась.

Однако там, где не было поддержки со стороны короля или папы, университеты возникали много позже и только при условии достаточно длительного опыта развитых авторитетных школ права и (или) медицинских, а также развитой экономической, социальной и культурной жизни. Но иногда университет возникал благодаря, казалось бы, таким обстоятельствам, которые не были связаны с отмеченными выше общими причинами. Например, в 1346 г. был создан первый на восточной окраине Священной Римской империи университет в Праге, хотя здесь не было таких благоприятных экономических и политических условий, какими обладали другие города. Не было и таких хороших школ, как в немецких землях. Исследователи отмечают [9, 13, 18, 22], что в конечном счете решающими могли стать культурные традиции и ценностные ориентации общественно-национальной психологии. Так, у ведущих слоев немецкого городского населения – бюргеров – в то время не было интереса к университету. Они считали высшей ценностью знатность происхождения, позволяющую занять высокое положение в церковной иерархии, в то время как, к примеру, во Франции этому фактору придавалось меньшее значение, а отличие в учебе могло помочь выходцам даже из незнатных семей сделать хорошую карьеру.

К концу XIII в., несмотря на свою малочисленность, университеты превратились в важнейшие центры культурной жизни Европы. «Города в городах», «республики учёности» – так ещё называли университеты. Здесь зарождались и распространялись научные, право-

вые и теологические идеи. Университеты стали центрами подлинной «интеллектуальной энергии» [23], подготовки светской и церковной элиты. В некоторых университетах обучались тысячи студентов, представляющих различные регионы Европы. Общевропейскую известность в это время приобрели университеты Болоньи, Парижа, Монпелье, Оксфорда, Падуи, Саламанки, Кембриджа.

К началу XIV в. большая часть университетов (15 из 19) располагалась в Южной Европе. Основным в них был факультет права. Другие факультеты либо отсутствовали, либо были весьма малочисленны. Южная Европа (Италия, Испания, Португалия) была в это время более благоприятна для открытия университетов: такие факторы, как высокая степень урбанизации населения, традиция обращения к письменному праву и начало становления гражданского общества, имели важное значение для возникновения университетов в этом регионе.

При открытии университетов решающей была инициатива самих властей, причем чаще светских, чем церковных, т.е. не только наличие известных специализированных профессиональных школ, но и существование благоприятного социально-экономического и культурного контекста становится все более необходимым условием возникновения университетов. После XIV в. гораздо чаще новые университеты организуются по инициативе правителей или городов, гарантирующих им наряду с правовыми и экономическими привилегиями определенное материальное и финансовое положение. Будучи одновременно и основателями, и покровителями этих университетов, их организаторы, в свою очередь, приобретали себе авторитет и репутацию мудрых правителей, а также источник подготовки духовенства, врачей, юристов.

Тем не менее взаимоотношения университета и города не всегда были безоблачны. Временное ущемление университетских свобод со стороны властей (светских или церковных) приводило в конечном счете к противоположному результату: университет снимался с места – это явление стало называться сецессия (от лат. *secessio* ухожу), т.е. отделение, уход университета. Ушедший университет направлялся в другой город, который становился и оставался новым центром университетской учености, а беглый университет возвращался (так, собственно, почти всегда и было) на прежнее место. Таким образом происходила географическая экспансия учености по различным городам Западной Европы, оставаясь при этом жестко социально-идеологически локализованной.

В Италии немало университетов возникло в результате того, что студентов и профессоров выселяли из Болоньи. Болонья, несомненно, дорожила своим университетом и всеми силами старалась не допустить переселения учащихся и учащихся в другие города. Но размолвки университета с городом бывали нередки, случалось даже, что сам Папа Римский советовал школярам скорее оставить город, чем подчиниться требованиям болонского городского совета. Другие же итальянские города пользовались подобными размолвками и предлагали студентам и профессорам более выгодные условия в том случае, если они соглашались перейти к ним. Подобные переселения университета из одного города в другой были безоговорочным выражением того, что община чужеземцев, не привившаяся в одном городе, ищет для себя более подходящую почву в другом месте, где она также продолжит оставаться общиной чужеземцев.

Так, в 1222 г. после долгих препирательств с болонским городским правительством свыше тысячи человек (учащихся и учащихся) перешли в Падую и образовали там школу, успех которой вызвал зависть правителей другого итальянского города – Верчелли. Последний начинает прилагать все усилия, чтобы перетянуть к себе из Падуи пришлых ученых мужей. Для тайных переговоров в Падую были отправлены уполномоченные послы, договор которых со школярами представляет интересную страницу в истории развития итальянских университетов. Корпорация университета заключила договор с городской корпорацией на восемь лет. Согласно этому контракту городские власти Верчелли обязались предоставить университету 500 лучших квартир, хлеб должен доставляться школярам по цене, которую платили сами торговцы. Кроме того, четырнадцать профессорам (один преподаватель теологии, три – гражданского права, четыре – канонического права, два – медицины, два – диалектики и два – грамматики) город обязался выплачивать жалованье. В свою очередь, школяры во главе с ректором брали на себя обязательство заполнить все обещанные городом 500 квартир. Также школяры давали обязательства не делать ничего, что могло бы принести вред городу, в частности, не принимать участия в партийной политической борьбе горожан, точно так же как и горожане не должны были вмешиваться в распри студентов.

Еще один пример конкуренции между итальянскими городами за университетских профессоров связан с городом Перуджа. Город-

ские власти Перуджи прилагали все усилия, чтобы добиться для своей высшей школы такой же известности, как и у болонской, которая для Перуджи была идеалом. Желая упрочить репутацию своей профессиональной школы, Перуджа выбирает тактику привлечения к себе знаменитых ученых, в частности юристов, из Болонского университета. Особенный блеск Перуджи придал в 1316–1321 гг. Яков де Бельвизо, представитель болонской юридической школы. По поводу профессорства этого ученого, болонского гражданина по рождению, между Болоньей и Перуджей разгорелись нешуточные страсти. Так, болонские школяры в 1321 г. обратились в болонский городской совет с жалобой на недостаток в Болонье знаменитых профессоров, из-за чего чужие университеты имеют конкурентное преимущество. В этой жалобе также было сказано, что если «превосходный профессор законов» Яков де Бельвизо будет возвращен в Болонью, то за ним последуют не только перуджианские школяры, но и многие другие. Болонский городской совет принял во внимание это прошение. В свою очередь, городские власти Перуджи отправили в Болонью делегацию, чтобы уговорить болонцев разрешить им оставить профессора-юриста в Перудже. Однако переговоры оказались неуспешными, и Яков де Бельвизо вынужден был вернуться в Болонью, чтобы не подвергнуться серьезному наказанию. Наказание было очень серьезным: лишение права гражданства с последующей конфискацией имущества не только самого профессора, но и его родственников.

Кроме того, переселению из Болоньи обязаны своим происхождением высшие школы в Модене, Пизе, Реджио, Виченце, Тревизо, Сиене и Флоренции. Так, в Тревизо инициатором учреждения университета, как почти повсеместно в Италии (исключая Болонью), была городская община. Она рассылала уведомления и приглашения в соседние города, сообщая, что намеревается учредить генеральную школу.

Открытие старейшего университета в Нидерландах в городе Лейдене в 1575 г. произошло благодаря следующей истории. После того как в 1574 г. Лейден был освобожден от затянувшейся испанской осады, в качестве награды за стойкость и выносливость Вильгельм Оранский (правитель Нидерландов) предложил жителям Лейдена на выбор – университет или отмену налогов. Жители города выбрали университет, и город продолжал развиваться, пока не превратился в центр интеллектуального прогресса и религиозной свободы.

Итак, возникновение и дальнейшее развитие средневековых университетов привело к ряду важных социально-исторических последствий. Во-первых, поскольку университетские города стали привлекать значительное количество студентов, которые тратили серьезные суммы именно в этих городах, перспектива стать университетским городом была не только престижной, но и экономически выгодной как для городского бюджета, так и для отдельных горожан – лавочников, владельцев гостиниц, врачей и т.п. Во-вторых, само количество университетов, возникающих на протяжении всего XII в., способствовало их конкуренции, результатом которой стал неуклонный рост качества преподавания и подготовки студентов. В-третьих, многократно усилилась социальная мобильность студентов, все чаще отправлявшихся на учебу в другие города и страны, а также представителей и профессорского корпуса. Далее социальная мобильность и конкуренция в сочетании с единым латинским языком преподавания привели к формированию единого для Западной Европы интернационального образовательного пространства как студентов, так и преподавательского корпуса.

ГЛАВА 3

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ: СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ОБУЧЕНИЯ

3.1. АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «УНИВЕРСИТЕТ»

Прежде чем перейти к анализу структуры и содержания обучения в университете, необходимо проанализировать эволюцию понятия «университет». Так, трудности встречались уже в определении исторического смысла самого слова «университет», пришедшего в современный язык из латыни (*universitas* переводится как «совокупность»). «Universitas, – писал исследователь Мишел, – является словом, которому из-за полемических целей часто дают неверное толкование, в то время как истинное его объяснение обеспечивает нас ключом к пониманию сути и исторического происхождения самого института» [23].

Современная тенденция тяготеет к определению университета как крупнейшего высшего учебного заведения для обучения универсальному знанию, другими словами, совокупности всех видов знаний. «Сегодня, – писал в начале XX в. Э. Дюркгейм, – мы привыкли думать об университете как об академическом учреждении, которое легко определяется и специфично размещено, подобно одной школе, в которой различные преподаватели обучают сумме всеобщего человеческого знания» [41].

Однако в ранний период истории университеты не имели ни своего имущества, ни зданий и встречи учителей с учениками происходили в церквях, соборах или монастырях. Слово «университет» не означало в то время конкретного места, где могли бы происходить занятия. Однако, подчеркивает Дюркгейм, «подобно тому, как мы оставляем идею *universitas* как совокупность академического учреждения, мы также должны остерегаться употребления этого слова в том смысле, что обучение, осуществлявшееся ассоциированными учителями, было обязательно энциклопедичным, охватывающим все отрасли человеческого познания» [41].

Первоначально слово «*universitas*» не служило для обозначения совокупности всевозможных предметов обучения. В ту пору универ-

ситеты были лишь одной из разновидностей городских гильдий. В письме, адресованном одной из них, слова «universitas vestra» означали совокупное обращение «все вы». По мнению Мишела [23], было чистой случайностью, что слово «universitas» окончательно закрепилось за конкретной, одной из многих, гильдией или корпорацией мастеров, а именно за ассоциацией преподавателей и студентов.

«Объединение людей, объединение учителей есть, конечно, первичный факт, – отмечает Э. Дюркгейм, – это и привело к идее группирования и концентрирования учебного материала, который преподавали и изучали» [41]. Действительно, университеты, хотя и обладали правом выбора учебных предметов по своему усмотрению, однако стремились к специализации. Так, европейскую известность получил медицинский факультет итальянского университета в городе Салерно. Болонский университет славился подготовкой юристов, а Парижский – знанием тонкостей теологии и искусствоведения.

Процесс закрепления термина «universitas» за учебным заведением, дающим особое – эталонное – знание, произошел спустя много лет после появления университетов как таковых. Но факт развития высших учебных заведений сразу же потребовал определенного слова для их обозначения в устной и письменной речи. По свидетельству Г. Денифле [13], таким термином стало словосочетание «studium generale». Очевидно, что долгое время основное значение передавалось лишь словом «*stadium*». В течение XII в. оно еще употреблялось в своем первоначальном значении – «учение», а начиная с XIII в. стало также использоваться для обозначения учебного заведения, где происходит «учение» и в котором собираются ученые из разных стран. Например, университеты в таких городах, как Болонья, Париж, Оксфорд, назывались соответственно Болонской, Парижской и Оксфордской студиями.

Понятие «*studium generale*» закрепилось за университетами не ранее XIV в. – исключительно в результате длительного и частого употребления. Исследователи утверждают [5, 22, 31], что, хотя это понятие и использовалось с XII столетия, случаи его употребления были очень редки и окончательное его закрепление в словаре средневекового ученого и просвещенного человека связано с развитием особого облика средневекового университета.

Термин «*studium generale*» стал использоваться в первую очередь в значении «*studium priviligiatum*» для обозначения привилегированного и независимого положения университетов, которые

имели право обучать всех и всякому знанию. Эти привилегии были дарованы университетам папой и королями, а в случае их несогласия первоначально не имевший никакого имущества университет мог объявить о прекращении своего существования и через некоторое время собирался вновь, но уже в другом городе. Парижский университет «в 1259 г., например, не желая подчиниться папскому указу, объявил себя распущенным. Он был способен на принятие таких мер без особых затруднений, потому что он ничем не владел; он представлял собой просто группу людей, которые могли разойтись с такой же легкостью, с какой они собрались вместе, как только у них появилась такая потребность» [36].

Studium generale имели огромное значение для распространения передового знания. «Важность средневековых университетов в деле распространения знания можно считать само собой разумеющейся, – пишет Н. Суворов. – По самому своему определению *studium generale* был открыт для ученых всех стран, и студенты и профессора переходили от одного института к другому, перенося с собой книги и записи лекций, а также все, что имелось у них в головах» [36]. «Но именно «великое оживление познания» явилось причиной возвышения университетов, последовавшего после того, как между 1100–1200 годами наступил великий приток нового знания в Западную Европу...», – так завершает свою мысль Э. Дюркгейм [41].

Лишь после закрепления в сознании и языке термина «*studium generale*» происходит закрепление за гильдией учителей и их последователей названия «университет». Некоторое время оно встречалось лишь вместе с прилагательными, определяющими род занятий данной совокупности мастеров, *universitas magistrorum* или *universitas scholarum*. Но, взятое из обычной гражданской жизни общества, слово «университет» вскоре стало использоваться наравне с прежним названием: *Studium Oxoniense – Universitas Oxoniense*, т.е. Оксфордский университет. Окончательное утверждение термина «университет» в его академическом смысле произошло, как утверждает Ф. Паульсен [27], до 1400 г. в Германии, откуда оно проникло во Францию, Англию и Италию.

Еще одно старинное наименование университета – *Alma Mater*. Ф. Паульсен [27] сообщает, что первоначально два слова не были связаны друг с другом, являлись лишь различными самостоятельными определениями. Первый случай употребления слова «*alma*», также происходящего из «социального» словаря средневекового че-

ловека, Паульсен датирует 1337 г. Еще раньше рядом с *universitas* появляется слово «*Mater*». «Обозначение *Mater Universitas*, – сообщает исследователь, – обнаруживается по меньшей мере около 1300 г. в указе оксфордского магистрата. Несомненно, что это обозначение употреблялось и еще раньше» [36]. Фактически слово «*Mater*» являлось еще одним названием совокупности представителей различных профессиональных объединений. Именно этим словом пользовался при обращении в своих письмах к городским гильдиям папа Иннокентий IV.

Оба определяющих слова стали все чаще использоваться одновременно – *Alma Mater nostra, universitas*. Словосочетание *Alma Mater* со временем превратилось в полноправное самостоятельное обозначение университета как учебного заведения.

3.2. СТРУКТУРА СРЕДНЕВЕКОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

Первоначально школы специализировались только в одной научной области – теологии, юриспруденции или медицине. Постепенно университетская структура усложнилась и взяла за основу школу семи свободных искусств как подготовительную ступень для продолжения обучения трем главным интеллектуальным профессиям эпохи Средневековья: теолога, юриста, врача.

Итак, университет состоял из четырех юридических единиц: трех факультетов, называвшихся высшими (теологический, юридический и медицинский), и из факультета семи свободных искусств, или, как его часто называли, факультета артистов (от латинского слова «*arte*», что значит искусство), который считался низшим факультетом. Факультет артистов, который в XVI в. в Германии стал называться философским, занимал низший ранг среди факультетов, потому что он выполнял функцию подготовительного факультета для трех высших факультетов. На практике это означало, что за изучение теологии, права и медицины принимались те, кто не только прослушал курс «искусств», но и получил ученую степень на факультете семи свободных искусств. Так, бакалавр или даже магистр искусств превращался в начинающего школяра по теологии, праву или медицине (разумеется, не всякий, а только тот, кто желал стать доктором теологии, права или медицины). Таким образом, факультет искусств представлял собой фундамент, основу университетского образования.

Помимо четырех факультетов другим фактором в ходе внутреннего организационного развития университета были нации. Деление школяров, стекавшихся отовсюду в университетские города, на нации едва ли не более древнего происхождения, чем деление по факультетам. Некоторые исследователи [9, 13, 18] полагали, что именно нации и легли в основу, например, Парижской университетской корпорации. Пришлая масса штудирующей молодежи группировалась по землячествам. Эти землячества постепенно объединялись в четыре обширные группы, или «нации»: галльскую, английскую (позже заменившуюся в Парижском университете на германскую, после того как приток англичан с образованием Оксфордского и Кембриджского университетов ослабел), пикардийскую и норманнскую. В приложении 1 представлены Статуты германской «нации» в Болонском университете. В приложении 3 представлена миниатюра XV в., изображающая студентов германской «нации».

Почему возникли именно эти четыре «нации», объясняется, вероятно, тем, что столько названных национальностей было в тот момент, когда складывалась данная структура. Пришельцы из других стран, например из-за Пиренейских гор или из Италии, присоединялись к одной из названных четырех наций. Четыре нации развились в автономные корпорации, и каждая из них имела свою печать уже в 40-х гг. XIII в., т.е. раньше, чем вся университетская корпорация получила беспспорное право иметь свою печать. Между тем если факультеты развивались на учебной почве в отношении к преподаваемым наукам, нации образовывались для взаимной поддержки студентов, для поддержания дисциплины и решения различных административных вопросов. Причем в нациях активная роль принадлежала магистрам, а не школярам. Во главе каждой нации стоял прокуратор, а во главе всех объединенных «наций» – ректор. Но любопытнее всего тот факт, что деление по нациям в полной мере было представлено только на факультете искусств, т.е. все без исключения и магистры, и школяры искусств должны были обязательно принадлежать к какой-нибудь из четырех наций. Магистры трех главных факультетов состояли вне всяких наций; но школяры этих факультетов входили в национальные корпорации наряду с членами факультета семи свободных искусств (артистами). Факультеты и нации были самостоятельными корпорациями: имели свои статуты, должностных лиц, печать, имущество и доходы, а также свои праздники.

Рассмотрим структуру факультетов. Во главе факультетов стояли деканы. Деканы выбирались на год, на теологическом (богословском) факультете – на два года; прокураторы – на месяц, ректор сначала выбирался также на месяц, потом на шесть недель, а с 1279 г. – на три месяца. Важным был тот факт, что факультет артистов (искусств), занимавший низшее место в таблице рангов факультетов, включал в себя четыре нации, а согласно уставу каждой нации принадлежал один голос, таким образом, факультет артистов всегда имел четыре голоса против трех голосов главных факультетов. Это позволяло не допускать перекосов в принятии общеуниверситетских решений и проводить сбалансированную политику с учетом интересов всех членов корпорации.

Ректор созывал общие собрания и председательствовал на них. На общих собраниях обсуждались вопросы, касающиеся как общих привилегий для всех членов университета, так и те, которые касались только одной автономной структуры университета. Главным источником факультетских доходов была плата, взимавшаяся с каждого кандидата при прохождении каждого испытания на ученую степень. В факультетских собраниях трех высших факультетов и в собраниях каждой нации в отдельности в голосовании принимали участие все члены собраний, причем участники собраний старались достигнуть единогласия по обсуждавшимся вопросам.

Факультеты по отношению к университету были, с одной стороны, его членами и служили для выполнения задач университета, а с другой – выступали корпорациями с самостоятельной задачей культивировать обособленную научную область и регулировать научные знания в этой области. Они, помимо того что имели собственные нормы и выбирали должностных лиц, также производили испытания на должности, представляли канцлеру кандидатов на ученые степени, регулировали допущение к преподаванию лиц, получивших ученые степени в других университетах. В уставах некоторых университетов было прямое указание на то, чтобы университет не вмешивался в круг факультетских дел, а один факультет, в свою очередь, в дела другого. Факультеты имели собственную печать, кассу, управляли своим имуществом, облагали налогами, брали и давали в заем капиталы, строили свои здания и поддерживали в них порядок. Медицинский факультет имел обычно небольшое число преподающих докторов. Так что необходимо было удерживать в числе членов медицинского факультета всех, кто получал ученые степени, даже

если и не преподавал. Иногда деканом медицинского факультета становился не преподаватель, а врач-практик. Медицинский факультет в некоторых университетах выполнял еще и дополнительную функцию: был не только корпорацией преподавателей, но и профессиональной ассоциацией всех врачей, имевших факультетскую степень и проживавших в том или ином городе. Так обстояло дело, например, на медицинском факультете города Базеля.

Кроме наций и факультетов университетская организация включала еще более мелкую корпорацию – коллегии и бурсы, которые были более или менее зависимой частью отдельных факультетов либо стояли рядом с ними как члены единой общеуниверситетской организации. Различаясь между собой по размерам, богатству, задачам, происхождению и юридическому положению, коллегии и бурсы выступали не только важными составляющими академической жизни, но и отдельными корпорациями с самостоятельными задачами, интересами и правами.

Коллегии существовали также в английских университетах. Например, в Оксфордском университете в XIII в. большая часть школьников проживала в пансионах, владельцами которых были частные лица. Начальники пансионов старались подыскать преподавателей для чтения лекций в помещениях этих пансионов. С XIV в. частные пансионы стали чаще заменяться коллегиями, существование которых обеспечивалось жертвемыми и завещаемыми имениями и капиталами. Между знатыми и богатыми представителями английских фамилий появилась своего рода конкуренция в устройстве и развитии коллегий. Часто благотворители были настолько щедры, что обеспечивали богатыми вкладами и деятельность большого числа магистров, которые вели преподавание в коллегиях или занимали должности по управлению коллегиями и по надзору за учащимися (тьюторы), или тех ученых, которые просто желали жить в коллегиях, предаваясь ученым занятиям без каких-либо должностных функций. Таким образом, в коллегиях студенты не только проживали, но и посещали лекции и практические занятия.

Позже в коллегиях, созданных на деньги благотворителей, стали поддерживаться и развиваться фамильные традиции и местные традиции графств, так что отдельная коллегия или школьная ассоциация была объединена не только совместным проживанием и совместным штудированием книжной премудрости, но и в то же время этими традициями обособлялась от других подобных коллегий.

Контингент английских коллегий состоял преимущественно из обеспеченных представителей высшего и среднего дворянства.

Происхождение коллегий в Париже, кроме желания предохранить учащихся от деморализующего влияния улицы, историки объясняли отчасти влиянием того примера, который подавали университетскому миру школы монашеских орденов, включенные в университет [23]. Монашеский орден давал монаху-школяру книги, пищу, одежду, помещение, а молодому преподавателю обеспечивал достаточный контингент слушателей, способствуя формированию определенной «цеховой» солидарности, благодаря которой ученый чувствовал, что он не одинок в противостоянии с нападками ученых противников. В коллегиях студент обеспечивался местом проживания, содержанием и книгами, обязуясь при этом подчинять свою жизнь весьма строгому режиму, схожему с монастырским.

Несмотря на то что факультет артистов выполнял пропедевтическую функцию, готовя студентов для высших факультетов, тем не менее среди его студентов оказывалось достаточно много молодых людей, которым, прежде чем изучать логику с диалектикой, необходимо было пройти курс базовой грамматики. Для реализации этой задачи стали появляться школы грамматики, или, как их называли, «педагогии». Такие педагогии могли включаться непосредственно в структуру коллегий в качестве низшего отделения. Но большей частью педагогии функционировали в виде частных школ с пансионом; это была своеобразная школьная индустрия.

Бурсы же предназначались для проживания учащихся, являясь аналогом современных студенческих общежитий. Бурсы, которые предназначались для совершенно бедных студентов, назывались *coderien* (от латинского слова *quota*, французского «*cote*» – доля платежа, падающая на отдельное лицо). Бурсы часто отмечались специальным названием по имени святого, которому они посвящались, либо по имени учредителя, но бывало и так, что, подобно гостиницам, им давали названия. Одни из бурс были учреждениями, существование которых было обеспечено различными пожертвованиями, другие основывались предпринимателями – магистрами и бакалаврами с коммерческой целью получения прибыли. Плата за проживание принималась еженедельно и была различной, так что каждый обучающийся мог выбирать то или иное общежитие по своим средствам. В так называемых кодериях (для бедных школяров) плата не взималась вообще.

Правила проживания в бурсе были следующие: стипендиаты должны были вставать в пять часов утра, в определенные часы молиться, заниматься и обедать. При выборе лекций слушаться совета так называемого провизора, которому должны были представлять каждую четверть учебного года письменные свидетельства преподавателей об усердном посещении лекций. В самой же бурсе лекции не читались, но практические занятия иногда могли проводиться.

Таким образом, университет можно представить как сумму различных корпораций, различным образом связанных как с ним, так и между собой.

3.3. СОДЕРЖАНИЕ ОБУЧЕНИЯ

В СРЕДНЕВЕКОВЫХ УНИВЕРСИТЕТАХ

Организация учебного процесса в средневековом университете строилась следующим образом: основной структурной единицей процесса обучения была лекция. Лекция (от латинского слова *lectio* – чтение) представляла собой чтение изучаемого текста и пояснение этого текста в форме комментариев к нему или же отдельным его частям. Студентам теологического факультета читали Священное Писание и «Сентенции» Петра Ломбардского. «Сентенции» выступали и в качестве комментария к христианской доктрине. Позже они стали основой схоластики. Со временем дело лектора как бы упрощалось: сочинялись комментарии к этим комментариям, которые потом свелись к так называемым вопросам (*questiones*). Именно они и составили содержание «устной» лекции в более поздние века. Лекции в средневековых университетах – это полное, регулярное изложение учебной темы по программе, прописанной в статутах, в определенные часы (см. прил. 1). Лекции подразделялись на обычные (обязательные) и экстраординарные (дополнительные). Это происходило потому, что в Средние века школяры не прослушивали курс конкретной науки, скажем курс философии или римского права. Тогда было принято заявлять, что некий преподаватель читает или некий студент слушает такую-то книгу. Одни книги почитались более существенными и неизменными, обязательными (обычными) для учащегося, другие – менее значительными и необязательными (экстраординарными). Различие лекций определяло и деление преподавателей на обычных и экстраординарных. Обычные лекции, как правило, читались в утренние часы (с рассвета и до 9 часов утра),

как более удобные и рассчитанные на свежие силы слушателей. Экстраординарные лекции назначались на послеобеденные часы (с 6 до 10 часов вечера). Длительность лекции составляла 1–2 часа. Положение об организации учебного процесса в Болонском университете представлено в прил. 1.

Другой вид учебных занятий назывался *repetitio*, т.е. детальное толкование отдельно взятого текста с различных сторон с учетом всевозможных сомнений, возражений и противоречий. Еще одной формой было повторение части прочитанного. Регламентировался также ход обучения, вплоть до обретения искомой ученой степени. До пятнадцати лет будущий соискатель учился латинскому языку, чтению, пению и счету в монастырской или городской школе. По окончании школы становился учеником университетского магистра общеобразовательного факультета, т.е. факультета семи свободных искусств. Обучение на этом факультете длилось два года. Студента учили Аристотелевой логике и физике, вовлекали в диспуты, а потом испытывали на степень бакалавра искусств (*baccalaurius atrium*). После получения степени бакалавра продолжалось обучение в течение двух лет. Студенты слушали лекции по метафизике, психологии, этике и политике, изучали математику и космологию. Особенность обучения состояла в том, что, продолжая учиться, бакалавр искусств начинал сам преподавать. Он выступал одновременно в роли помощника магистра, ведущего диспут, и в качестве отвечающего (*respondens*). Далее следовало испытание на степень лицензиата. Первая лекция в этом звании – и он уже магистр искусств (*magister atrium*). Еще два года новоиспеченный магистр искусств продолжал учить студентов, но при этом учился сам. Двадцать один год – начало магистерской карьеры, а за плечами уже шесть лет университетской науки. Параллельно с обязательным двухгодичным магистерством можно было начать слушать курс какого-нибудь одного из высших факультетов – юридического, медицинского, теологического. На высших факультетах был свой порядок испытаний и возрастной ценз. Пройдя необходимые испытания и уже будучи магистром искусств, он получал степень магистра права, медицины. Теологический (богословский) факультет отличался своими особыми правилами. Так, чтобы учить теологии, нужно, чтобы учителю было 34 года и этому предшествовало восемь лет обучения. На теологическом факультете была своя, отличная от других факультетов, структура научных степеней. Только одних бакалавров было три вида: бакалавр Библии

(*baccalaurius biblicus*), бакалавр сентенции (*baccalaurius sententiarius*) и полный бакалавр (*baccalaurius formatus*). Затем следовало испросить разрешения канцлера университета начать учить студентов теологии. Соискатель читал свою первую лекцию, а прочитав, становился магистром теологии. Магистр, получивший кафедру, становился полным профессором (*magister regens*).

Как видим, все университетское время было посвящено овладению мастерством учить. Помимо лекций важной составной частью процесса обучения являлся регулярный учебный диспут. Тему диспута выбирал магистр. Возражение выдвигал либо он сам, либо его студенты, в том числе и те, что случайно забрели на диспут. Бакалавр нужными аргументами поддерживал тезис и отвечал на вопросы. Магистр мог в любой момент спора прервать бакалавра, лично заключив собственным словом диспут. Но мог и вернуться к данному тезису когда-нибудь в другой раз, не поддерживая, а опровергая свой же тезис. Лекция-тезис, записанная самим магистром, становилась своего рода отчетом об обсуждаемом вопросе. Ежегодное количество диспутов всегда утверждалось заранее. Одна и та же тема могла обсуждаться с различных сторон. Составленный и утвержденный календарь диспутов необходимо было неукоснительно соблюдать. Каждому магистру выделялся свой день для диспута. Диспуты выполняли различные функции. Например, диспут (по латыни назывался *inceptio*) разыгрывался претендентом на степень доктора, которого представлял магистр, и он же вел этот диспут. Другой вид диспута – *resumptio* – обязан был дать магистр, переходящий из другого университета. Это как бы испытание на право работы в новой для этого магистра ученой корпорации. Право учить завоевывалось демонстрацией практических навыков в поединке встречных аргументов.

И, наконец, *disputatio quodlibetaria*. Именно так – диспутами о чем угодно или ни о чем – назывались самые важные диспуты университетской программы. Эти диспуты проходили только раз в год и длились, как правило, две недели. Важно также отметить, что эти диспуты проводились во время Рождественского или Великого поста и имели общеуниверситетский характер. Были разработаны и строго соблюдались правила проведения этих диспутов – кводлибетариев. Так, были запрещены различные ярлыки – «еретик», «заблудившийся в вере», запрещены бранная и простонародная лексика, обзывать противника; требовалось применять такие выражения, как «не на-

хожу истинным», «это недопустимо», «немыслимо», «невероятно». Вот как описан такой диспут в литературе:

«Диспутационный акт выглядел большим парадом, в котором выставлялись налицо все оружия знания и диалектики и где представлялся случай наблюдать весь этот запас или объем духовных сил, которым обладает основополагающий факультет. Все учебные занятия, даже лекции на самом высшем факультете – теологическом, приостанавливались на это время. Из магистров факультета искусств, которые не приобрели еще высшей ученой степени на каком-либо из высших факультетов, выбирался один, который как умеющий диспутировать о чем угодно брал на себя нелегкий труд вести двухнедельные, а иногда и более продолжительные прения, отражая всякое нападение всякого магистра в областях самых разнообразных знаний. Хотя известная подготовка была не невозможна для него, так как сам он мог наметить темы или области, из которых должен быть почерпнут материал для словесной борьбы, хотя и коллеги – его будущие противники – под страхом штрафа обязаны были сообщить ему свои тезисы за два дня до начала диспута, но этим намечалось лишь общее направление материала, и державшая в ажитации возможность внезапных натисков и непредвиденных возражений оставалась все-таки настолько значительною, что диспутант должен был употребить всю силу своего умственного напряжения и стать лицом к лицу с мудреною задачей. Для разрешения ее устраивалось одно из самых странных зрелищ в жизни схоластического университета. Большая зала школы артистов переполнена публикой; магистры искусств, которым предстоит оппонировать, садятся на своих скамьях по обе стороны кафедры. Декан, которому принадлежало высшее наблюдение над ходом целого акта, находится налицо; тут же и кводлибетарий (чего-угодник, если можно так выразиться), которому предстоит испробовать свое диалектическое искусство. Ректор занимает почетное место. Педеля, с серебряными «скипетрами» в руках, стоят возле него. Особые места занимают доктора высших факультетов в строгом порядке рангов. Возле них теснятся бакалавры искусств, а за бакалаврами толпятся массы школяров. Вот педеля приглашает к спокойствию, и виновник торжества всходит на кафедру, произносит речь, в которой приветствует собрание, приглашает молодежь к дисциплине и порядку и вызывает противников начать свои нападения. Если ректор принадлежал к факультету артистов, то он и начинал, за ним декан, после декана магистры в порядке старшинства службы,

наконец, остальные, желавшие отличиться пред целою корпорациею. Каждый старался установить свои положения в строго логической форме, извлечь из них выводы и развить аргументы. Кводлибетарий должен был всякому возражать. Он ловил и использовал для себя всякий формальный промах противника, всякое его прегрешение против правил логики и диалектики, уверенный, что и за каждым словом его самого следят с тем же напряженным вниманием. Это был умственный турнир, конечная цель которого, очевидно, не в том состояла, чтобы содействовать раскрытию истины или найти новое научное познание, а в том, чтобы ослепить противников искусными диалектическими приемами и заставить замолчать ловкими нападениями» [32].

Другим автором описан подобный диспут таким образом:

«Чего-угоднику» приходилось аргументировать на обе стороны или защищать противоположные мнения, смотря по тому, в какую форму желательнее было оппонентам облечь свои возражения. Если, например, первый оппонент утверждал, что люди суть животные, quodlibetarius должен был опровергать это, а если другой оппонент ставил тезис: «люди не суть животные», quodlibetarius должен был и это опровергать, чтобы показать свою ловкость в диспутировании. Усердному слушателю подобных словопрений, не имевшему еще степени магистра, представлялись тут многочисленные образцы искусной речи, примеры для подражания. Опасности скучного однообразия старались избежать таким образом, что к дебатам привлекались все новые и новые предметы: каждый новый оппонент старался вступить со своим тезисом в незатронутую область. Но интерес, как видно, поддержать было нелегко. Чтобы удержать школяров в собрании до конца диспута, было установлено, что, по разрешении всех поставленных магистрами вопросов, бакалавры и школяры могут предлагать вопросы шуточного и юмористического свойства. И вот другой дух начинает царствовать в почтенном собрании: люди, которые раньше с серьезными лицами следили за ходом диспута, не только раздражаются смехом, но приходят в чисто масленичное настроение» [36].

3.4. ЖИЗНЬ СТУДЕНТОВ: ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ

В эпоху средневековых университетов слово «studentes» использовалось для обозначения не одних только учащихся-школяров, а всех тех, кто штудирует, т.е. посвящает свои силы научным заняти-

ям – в качестве учителей или учеников. Границу между учащими и учащимися в средневековых университетах провести было нелегко. Бакалавр был, с одной стороны, преподавателем, учителем, а с другой – продолжал оставаться учеником. Мало того, магистр низшего факультета искусств, желавший приобрести ученую степень по одному из высших, становился в положение школяра на выбранном высшем факультете, затем в положение подмастерья-бакалавра и, только получив высшую ученую степень на высшем факультете, разрывал свою связь с прежним факультетом. Иногда человек без средств старался скопить себе сумму денег преподавательской деятельностью с тем, чтобы потом иметь возможность слушать лекции какого-нибудь прославленного учителя. И учащие, и учащиеся были, как правило, духовными лицами, причем учителя могли быть не старше своих учеников. Те и другие жили обычно на одинаковые средства, а именно на доходы с церковных должностей, остававшихся за ними (в силу папской привилегии) на время научных занятий.

Жилищный вопрос всегда был чрезвычайно актуален для студентов. Так, в Парижском университете был выработан статут, регулирующий наем квартир и аудиторий. В этом статуте было определено, что если горожанин отказывается сдать внаем свои помещения по определенной таксе, то дом его подвергается «бесчестию» (*infamia*) на пять лет, так что в течение этого срока никто из членов университета не может нанимать помещение в пораженном «инфамией» доме под страхом исключения из университета. Парижская «инфамия» соответствовала болонскому «интердикту», имевшему такие же последствия для дома того горожанина, который не подчинялся таксе или предъявлял лживое обвинение против школяра. Это правило распространялось даже на дома, находившиеся по соседству с квартирой школяра. Студенческое сословие было мобильным, притом что школьная программа была единой. Именно это позволяло студентам свободно передвигаться из школы в школу. Этих студентов называли вагантами, искателями лучшей школы с лучшей ученостью. Про одного из них говорили: «Он собирает знания по школам, как пчела свой мед по цветам» [4]. Ученые люди стали обычными людьми в Европе в Средние века. Университет – совершенно новая обитель этой учености. Новая потому, что это свободная корпорация учителей и учеников, магистров и студентов. Соборная школа отличалась от университета прежде всего тем, что школьный учитель подчинялся капитулу (высокому духовному лицу). Университет же

был автономен: испытания, присуждение степеней учености (бакалавр – магистр – доктор) было делом самой университетской корпорации.

Это отмечает, например, Ф. Паульсен [27], обращая внимание на синонимические эквиваленты понятия «университет»: «Название *universitas* обозначает университет как корпорацию; название *stadium* – как учебное учреждение с универсальной программой; термин *stadium privilegium*, освобожденная школа, подчеркивает те преимущества и льготы, которыми они пользуются». Так, в средневековом социуме не только возникает, но и узаконивается особое, санкционированное светской и церковной властью социально необходимое и социально обусловленное свободное, автономное пространство для ученого цеха – университета, отгороженного от неученой стихии Средних веков. Это положение предусмотрено в университетском уставе.

Таким образом, университет формировал новый тип социальных отношений, ломая, казалось бы, незыблемые каноны средневековой иерархии. Новой социальной практикой была конкуренция: на университетские должности выбирался один из многих претендентов, ситуация выборов была открытой и прозрачной. Принимались во внимание профессиональные компетенции претендентов на должности, а не происхождение, богатство. Выбирался и ректор университета. Более того, им мог стать даже студент. Университет демонстрировал, с одной стороны, открытую самоуправляемую демократическую структуру, а с другой – дотошно разработанные формы-инструкции о том, как прочесть ученую лекцию, организовать ученый диспут, провести испытание на ученую степень.

Жизнь студента вне лекции или диспута – тоже обучение, но обучение особое. Инструкции и здесь были незыблемы и пунктуально расписаны. Университетская программа обучения пародийно спроецирована на частную жизнь студента. В студенческой жизни формировались обряды и ритуалы, направленные на социализацию студентов. Так, был сформирован обряд снятия рогов (*dipositio cornuum*) – неофициальное посвящение в студенты. По-видимому, этот ритуал изобретен французскими школярами в XIV в.

Вот как описан этот обряд В. Рабиновичем: «Сценарий обряда такой. Новичок до университета – вольный дикий зверь с рогами. Его следует от них освободить и таким образом приобщить к университетской жизни обученного студента. Новичок звался Беаном –

«Беан есть животное, не знающее жизни студентов». Этой жизни надо научиться. Вот два бакалавра врываются в комнату новичка. Потягивают носом и чуют Беана, существа нечистого и вонючего. Начинается очищение – на глазах бурсаков и управляющего бурсой. Начинается, так сказать, учебный процесс. Новичка заставляют выполоскать рот мочой, съесть несколько пиллюль из дерьма, имитируют выравнивание зуба (на сей случай вставляют в рот испытуемому специально припасенный деревянный зуб). А заканчивают пародийно схоластическим испытанием на сообразительность:

– Была ли у тебя мать?

– Да.

(Беан получает по морде).

– Врешь, каналья! Ты у нее был.

– Сколько блох входит в четверик?

– Этого мы с наставником не проходили.

(Еще по морде).

– Они не входят, а вскакивают (и т.д.).

«Очищение» окончено. Рога сбиты. Новичок целует руку бакалавру. Круг студентов размыкается перед новичком. Размыкается, но не вдруг. Затем – выпивка с хорошею едою за счет новичка. А потом надо побыть у студента-старожила некоторое время на побегушках: называть его патроном, прислуживать ему за столом, чистить ему платье, ваксить обувь, содействовать «деду» – патрону на оргиях и вакханалиях. А в награду бывал битым. Патрон мог отнять у него деньги и разное там то да се. По прошествии года – снова товарищеская пирушка, после чего ты уже сам «дед» и можешь завести своего *familusa* [32, с. 40–42].

Важной частью студенческой жизни были ваганты. Вагантами (*vagantes* – бродячие люди) называли шумных и озорных странствующих студентов, изучавших разные предметы в различных университетах у наиболее сведущих в них магистров. Общеευропейская распространенность латинского языка в университетской среде позволяла странствующим ученикам свободно передвигаться по Западной Европе, переходя к новым учителям, понимать их и быть понятыми ими. Язык церкви, являвшийся также языком науки и образования, становится в период Средневековья и языком латинской поэзии. Поэзия вагантов преимущественно была посвящена радостям мирской жизни. Ваганты сохранили для истории ценнейшие свидетельства жизни беспокойного студенческого братства. Ученье

и науку они уважали, но чопорности, высокомерию и ханжеству противопоставляли нравственность, честность и щедрость молодости, не чуждой никаким радостям жизни (веселая пирушка, плотская любовь, азартные игры). Большинство из дошедших до нас стихотворных произведений вагантов анонимны. Многие сочинения построены в виде диспута или студенческого гимна. Авторы стихотворений восхваляют ценность дружеского братства школяров, говорят о важности обучения, несмотря на возможные опасности, встречающиеся на пути его получения. Они воспевают как школяра и студента, так и магистра-наставника (прил. 1).

В Болонском университете также сложился интересный обычай. Этот обычай позволял выпускникам университета оставлять после себя память. Так, стены, коридоры и арки здания университета были покрыты бесчисленными гербами. Кроме того, в Средние века в Болонском университете существовал странный обычай – презентация снега. Происходило действие после первого в году сильного снегопада. Ректоры, представители различных землячеств в сопровождении педелей (так назывался надзиратель за студентами в европейских университетах) укладывали на красивый поднос слепленный ими снежок и подносили его городским чиновникам. Каждый должен был положить на поднос деньги. Собранную сумму в тот же вечер пропивали. Этот интересный обычай был отменен в XV в. [24].

Завершая анализ этапа зарождения средневековых университетов, обратимся к характеристике этого периода, данной немецким социологом Эриком Дюркгеймом в курсе лекций по истории образования, изданному после его смерти в 1938 г. Исследуя в своей работе природу «великого академического движения», которое приобрело с ходом истории название «Парижский университет», ученый следующим образом определяет круг стоящих перед ним задач: «Каков был образовательный идеал, конкретным выражением которого он (университет) явился?». Для того чтобы дать правильный ответ, лучше всего проследить за генезисом данного института, исследуя, каким образом он формировался, чем было вызвано его возникновение, а также следствием каких моральных сил он явился» [41]. Согласно Дюркгейму, средневековый университет даже больше, чем церковь и феодальная система, отражал основные черты своего исторического периода и его влияние на жизнь средневекового общества было гораздо более серьезным, чем обычно предполагают «политические историки». Ученый выделяет предпосылки, предопределившие воз-

никновение средневекового университета. С его точки зрения, это «чувство профессиональной солидарности и стремление к полной монополии, которые являются первым семенем всякой корпоративной жизни». Чувство профессиональной солидарности, по мнению ученого, понять нетрудно: оно заключается в стремлении учителей монополизировать рынок спроса на свои услуги (т.е. в том, чтобы «никто не мог стать их коллегой против их желания»). Для этого и существовала особая церемония посвящения в учителя, которая называлась *inception*. Университет образовался из внешних факторов, но эти факторы могли быть объединены в единое целое только благодаря некоему «внутреннему феномену». Таким «внутренним феноменом» Э. Дюркгейм признает христианскую идею воспитания. Главными причинами развития «великого академического движения» ученый считал факторы, являющиеся центральными в его социальной теории: профессиональную солидарность и идею христианского (т.е. морального) воспитания. Ученый акцентировал внимание на характере деятельности средневековых университетов, усматривая в них образец, к которому должны стремиться современные университеты. Другой интересный аспект возникает из-за высокого уровня отчисления студентов в университетах Средневековья. Те студенты, которые оставили обучение до окончания, могли использовать навыки, которые они уже приобрели, чтобы сохранить работу. Навыки были высоко заменяемыми, и предложение было настолько мало, что даже те, кто прошел обучение в течение одного или двух лет, имели конкурентное преимущество. Они могли стать одними из тысяч учителей, репетиторов, писарей, в которых нуждалось средневековое общество. Важно иметь в виду, что большинство землевладельцев и титулованных людей обучали своих сыновей дома. Их наследникам не нужно было обучаться профессии, аккредитованной в университетах. Средневековые университеты не были единственными источниками знания для способных и амбициозных людей. Целые области занятий не преподавались в университетах. Существовало ученическое обучение для гильдий хирургов, торговцев и нотариусов; школы барристеров для юристов; канцелярское обучение для государственных служащих; мастерские для художников; военная подготовка при королевских и аристократических дворах и внутри военных структур.

Таким образом, предполагалось, что люди с университетским образованием будут взаимодействовать с людьми, которые были

обучены другим наукам; хирургами, нотариусами, архитекторами, художниками, торговцами, солдатами и картографами. В средневековых университетах молодые люди были временно оторваны от своих домов в период интенсивного интеллектуального и социального взаимодействия с другими студентами и в присутствии преподавателей [40]. Навыки, которым они обучались, были легко передаваемыми, потому что они были генерируемыми. Такие навыки включали умение анализировать тексты, аргументировать позицию, рассматривать вопрос со всех точек зрения, задавать вопросы, чтобы найти решение. Некоторые выпускники средневековых вузов служили в своих странах, тогда как другие выезжали за границу для продолжения обучения или работы. Они обучались всему, что было необходимо для критического понимания общества, управления сложными социальными, экономическими и политическими структурами, изучения окружающего мира и принятия решений по любым возникающим вопросам. Университеты готовили не только государственных служащих и церковных бюрократов, но и радикальных мыслителей, чьи работы имели реальное влияние на мышление.

ГЛАВА 4

МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ

4.1. МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ БОЛОНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Значимым событием первого этапа развития университетского образования послужило открытие университета в Болонье, ведущего свое начало с юридической школы, которая, в свою очередь, образовалась на базе церковной (соборной) школы, обучавшей «семи свободным искусствам». Деятельность юридической школы в Болонье непосредственно связана с Ирнерием. Ирнерий был уроженцем Болоньи и первоначально преподавал риторику и диалектику в школе «семи свободных искусств», затем специализировался в области правоведения. Когда в Болонью из Равенны были доставлены книги, содержавшие так называемый кодекс Юстиниана, он занялся их изучением. Возможно, что само преподавание риторики и диалектики заставило его углубиться в чтение источников римского права, возможно, что Ирнерий взялся за преподавание права по инициативе Матильды, маркграфини Тосканской, которая хотела создать конкурента Равеннской юридической школе [31]. С деятельностью Ирнерия началось существование еще не университета, но юридической школы, главная задача которой состояла в изучении книг, содержавших кодекс Юстиниана, в противоположность господствовавшему тогда направлению в юриспруденции. Согласно историческим источникам, в конце XI в. (вероятно, в 1088 г.) Ирнерий начал свое преподавание и этим положил начало Болонскому университету и новому направлению в юриспруденции. Ирнерий подверг рационализации важнейшую отрасль знания того времени – право. Он создал схоластический метод изучения римского права. Кодекс императора Юстиниана стал сопровождаться подстрочными комментариями, указаниями на схожие законы и толкованием противоречий, ссылками на прецеденты. Этот корпус гражданского права стал настольной книгой многих последующих поколений юристов. Вскоре возле Ирнерия образовался круг его учеников, которые продолжили преподавание права после его смерти. Цель Ирнерия и его

преемников состояла в тщательном изучении и анализе полного содержания Юстинианова кодекса. Вскоре в Западной Европе сформировалось убеждение, что всеобъемлющее знакомство с римским правом и профессиональное экспертное заключение по каким-либо спорным вопросам можно получить только в Болонье. Так, в 1118 г. император Генрих V взял Ирнерия с собой в Рим для того, чтобы он убедил народ в недействительности выбора папы Геласия II. Этот факт свидетельствует о том, что Ирнерий пользовался известностью и авторитетом далеко за пределами своего города.

Слава Болонской школы росла: в нее стали стекаться большие массы слушателей из разных земель. Значимость юридической школы была подкреплена другим болонским юристом Грацианом – в 1140 г. он составил корпус церковных законов. Его «Декреты» объединили постановления церковных соборов и папские буллы. Подобному рациональному, схоластическому осмыслению подверглись и другие области знания. Болонской юридической школе стали оказывать покровительство императоры Священной Римской империи. Так, в 1158 г. Болонской школе Фридрихом I была дана привилегия, в силу которой обучающиеся в ней иностранцы объявлялись подсудными профессорам, а не общим судам (см. прил. 1).

В первой половине XII в. малые землячества и мелкие союзы Болоньи слились в два больших *universitates* – университет ультрамонтанов и университет цитрамонтанов: ультрамонтаны – это пришельцы из-за альпийских гор, цитрамонтаны – пришельцы из разных городов Италии, которым не было надобности переходить через Альпы, чтобы достигнуть Болоньи. Оба университета распались на частичные союзы («провинции», или «королевства», как их называли). Так, например, университет ультрамонтанов в 1265 г. состоял из тринадцати провинциальных союзов (галлы, пикардийцы, бургунды, пришельцы из Пуату, Тура и Ле-Манса, норманны, каталонцы, венгры, поляки, германцы, испанцы, провансальцы, англичане и гасконцы). Университет цитрамонтанский состоял из еще большего числа «королевств», их количество доходило до восемнадцати. На взаимодействии этих двух университетов, ультрамонтанского и цитрамонтанского, основывалась позже жизнь всего Болонского университета. В обоих университетах господствовали юристы, хотя в Болонье находилось немало и таких лиц, которые изучали медицину и свободные искусства и тяготились своей зависимостью от юристов, однако ректором мог быть избран только юрист. В такой ситуации

медики с «артистами» учинили раскол, образовав новый университет с особым ректором. Юристы старались помешать этой затее и подстрекали городские власти запретить им образование нового университета (запрет был издан в 1295 г.). Однако в 1316 г. особый университет с особым ректором был официально признан в мировом соглашении юридического университета с городом. Позже, во второй половине XIV в. (в 1362 г.), в состав Болонского университета папа Иннокентий VI включил теологическую школу. Таким образом, Болонский университет (т.е. два юридических университета – ультрамонтанский и цитрамонтанский – и университет медиков с артистами) включал в себя только штудирующих пришельцев: профессора могли входить в корпорацию, только будучи пришельцами (т.е. не были болонскими гражданами или не получили прав болонского гражданства в течение своей профессорской деятельности). Но так как профессора все-таки не могли не управлять собственно учебным делом, включая испытания на ученые степени, то в противовес университету школяров они организовали собственные коллегии (объединения), чтобы противостоять подчинению ректорам школяров. Так появились профессорская коллегия юристов, профессорская коллегия врачей, профессорская коллегия артистов.

Преобразование частных школ права в университет раньше всего произошло именно в Болонье. Оно осуществилось благодаря ряду обстоятельств. Болонья – город на севере Италии – был центром этрусской культуры. В XII–XIII вв. в городе был построен комплекс прекрасных церковных сооружений, а ранее, в X–XI вв., Болонья была узловой точкой торговых путей, через нее шли паломники с севера в Рим. Интерес к ученым-исследователям, к детальной проработке римского права был свойствен императорской власти. Последняя нуждалась в узаконивании прав императора. Этот интерес подвигнул Фридриха I Барбароссу (1125–1190) – германского короля и императора Священной Римской империи – выпустить в 1151 г. документ, который обусловил последующее усиление муниципалитета города Болоньи. Таковы были внешние факторы, благоприятствовавшие превращению Болоньи в университетский город. Но не менее важной была и громкая слава известнейших болонских учителей права, которая на протяжении всего XI в. притягивала студентов из разных стран в этот город.

Удачно сложившиеся обстоятельства позволили Болонье к XI в. считаться единственным местом в Западной Европе, где можно было

основательно познакомиться с римским правом. Политика императора Фридриха I благоприятствовала развитию болонской школы, поскольку в постоянной борьбе с папой и ломбардскими городами, стремившимися к независимости, он считал, что ему лучше всего опереться на букву существующего права и ссылаться на законы Юстиниана, понятые и истолкованные в их первоначальном и подлинном смысле. Чтобы получить знание римского права из единственного в те времена источника, в Болонью устремилась масса учащихся из всех стран Западной Европы, преимущественно из Германии. Успеху болонской школы, вероятно, способствовали и благоприятные природные условия города: сравнительно холодная и благоприятная для занятий зима, близость гор, спасавших от летнего зноя, плодородная почва, обилие фруктов и овощей. В основе организации юридической школы в Болонье лежали те же принципы, что и в других городах Италии. Это было частное дело предпринимателя-профессора, который, если обладал талантом и знаниями в области своей специальности, мог привлечь к себе массу учащихся и пожинать плоды своих трудов в виде установленного между обеими сторонами договора, а также он мог побудить своим примером и других способных учителей к преподавательской деятельности. Но ни между учащими, ни между учащимися не было корпоративной связи, существовала только школа, которая столь же легко могла распасться, как она и возникала. Позднее как Болонья, так и другие итальянские города оценили всю значимость высшей школы для своего политического престижа и старались не только открывать высшие школы, но и переманивать к себе учащихся и учащихся из других городов, предлагая тем и другим выгодные условия. Это было продиктовано заинтересованностью итальянских городов в достаточно большом количестве квалифицированных юристов для выработки своих статусов, законов, замещения городских должностей, ведения внешнеэкономических и внешнеполитических отношений.

Болонский университет, так же как и другие итальянские университеты, можно отнести к одному и тому же типу городских университетов, подчиненных городскому правительству. Однако влияние католической церкви в университетах этого типа также было весьма велико. Так, например, в 1219 г. папа Гонорий III издал декрет, положивший начало очень важной процедуре в истории университетов – получению лицензии (в переводе с латинского – дозволение учить). Из декрета папы можно заключить, что если раньше

и существовали испытания, предшествующие возведению в ученые степени, то они были недостаточно отрегулированные. Часто случалось, что в Болонье к преподаванию допускались неподготовленные люди, вследствие чего страдала репутация учителей и школярам, желавшим учиться, наносился ущерб. Вот почему папа для поддержания чести школы и интересов учащихся предписывал, чтобы на будущее лицензия выдавалась архидьяконом на основании испытания, тщательно произведенного профессорами университета [24].

Первое известие об отношении школяров к Болонье и об их жизни в городе сохранилось в старинном стихотворении, воспроизводящем приветствия, с которым болонские власти, горожане и школяры обратились к императору Фридриху I, когда он в 1155 г. стоял лагерем под Болоньей. Император захотел узнать от школяров, каково им живется в Болонье. Один из магистров от имени всех школяров ответил, что, в общем, им живется недурно, худо только то, что горожане за долги одного школяра арестуют любого другого школяра, и что они, школяры, просили бы императора принять их под свое покровительство [36].

Особенность университета в Болонье состояла в том, что профессора (в том числе пришедшие и получившие права гражданства) были отрезаны от школьной корпорации, которая называлась в Болонье университетом школяров (*universitas scholarium*). Школяры играли роль нанимателей, входивших в договорные соглашения с теми лицами, лекции которых они желали слушать и под руководством которых желали заниматься. Таким же образом решались вопросы о помещениях для занятий. Университет не имел постоянного помещения до 1565 г. Этот факт объясняется тем, что в Болонью приехали изучать право молодые состоятельные люди из многих городов Италии. Некоторые из них были приорам и епископами, среди студентов были и аристократы, и карьеристы, метившие на высокие государственные посты. Эти неординарные студенты создали необычную организацию. Они нанимали профессоров, устанавливали оклады, выдвигали свои условия, которым лекторы обязаны были следовать, – словом, поставили профессоров в отношения «хозяин – слуга», что легко было сделать, поскольку и возраст, и социальный статус студентов делали такое положение возможным. Университет в Болонье смог возникнуть лишь после того, как экономически, социально и политически окрепшие иностранные студенты объединились между собой для совместной защиты своих прав в

борьбе с городом и со своими учителями. Позднее, когда появились университеты в Париже, Оксфорде и Кембридже, взаимоотношения между профессорами и студентами стали нормальными: это были уже учителя и ученики.

Особенные отношения между преподавателями и студентами древних юридических школ перенесены были и в университет. На протяжении Средних веков студенты Болоньи продолжали оставаться хозяевами положения, а преподаватели – их слугами. Каждое объединение – а они были организованы в группы по национальному признаку – выбирало из своей среды студента, который становился ректором. Лишь намного позже эта должность перешла от студентов к профессорам. До 1565 г. у университета не было здания. Профессора читали лекции у себя дома или в арендованном помещении либо, если к тому были условия, выходили, словно греческие философы, в сады и на городские площади. Когда Болонья перешла под папское правление, решено было собрать разные школы под одну крышу и построить для всех красивый дворец.

Болонский университет прославился и своими знаменитыми женщинами-профессорами времен раннего Средневековья. Известна история о женщине-профессоре, столь красивой, что лекции ей приходилось читать, укрывшись за экраном, чтобы не отвлекать аудиторию [24]. Женщину звали Новелла Кальдерини, жившую в начале XIV в. Она унаследовала от своего отца, известного юриста, гениальные способности к юридическим наукам. Говорят, когда доктор уезжал из Болоньи с дипломатической миссией, она занимала его место в лекционном зале. Новелла была так хороша собой, что, не желая отвлекать студентов от предмета, всходила на кафедру в густой вуали. Отсюда, должно быть, и рассказ об экране. Новелла вышла замуж за преподавателя права, когда он по какой-то причине отсутствовал, она читала лекцию вместо него. Папа Урбан V предложил ее мужу должность кардинала при условии, что Новелла уйдет в монастырь, но пара предпочла не расставаться. Жили они долго и счастливо, умерла Новелла в 1366 г.

Но не она была первой женщиной-профессором в Болонье. Первой была Битисия Годзадини, родившаяся в 1209 г. Она участвовала в конкурсе на занятие должности профессора гражданского и канонического церковного права и завоевала первое место. Последней знаменитой женщиной-лектором была Лаура Басси, родившаяся в 1711 г. Она, как и все ее предшественницы, выказывала замечатель-

ные способности с раннего детства. Будучи ребенком, удивляла взрослых беглым латинским языком и умением разбираться в метафизике. Когда ей исполнилось двадцать два года, ее принудили публично продемонстрировать свои таланты. Такая проверка академических знаний была популярна в Болонье на протяжении нескольких столетий. Известно, что вышла она из испытания блестяще, хотя экзаменовали ее пять знаменитых ученых. Через несколько недель ей вручили приз за проявленные знания в области философии и предложили кафедру в университете. Ещё одна женщина, современница Лауры Басси, заставила о себе говорить. Это была Анна, жена анатома по имени Джованни Мадзолини. С тех пор как Болонья перешла под власть папы, он запретил препарирование человеческих трупов и понадобилось изготавливать модели человеческих органов – из дерева и воска. Стараясь подбодрить мужа, Анна занялась изучением анатомии и так преуспела в этом, что могла работать рядом с ним. Ее работами восхищались не меньше, чем моделями мужа, она так хорошо знала предмет, что стала знаменитым лектором, преподавателем анатомии.

Университетские архивы содержат живые описания студенческой жизни времен Средневековья. Так, средний студент жил в одном из четырнадцати колледжей, организованных по национальному признаку, хотя многие студенты жили в частных домах. Богатые же студенты обычно приезжали с целым штатом слуг, привозили с собой мебель, снимали целые дома. До изобретения книгопечатания только богатый студент мог иметь собственные книги, они были огромного размера и очень тяжелые. Студент за плату договаривался с носильщиком, и тот приносил его книги из дома в университетскую аудиторию. Студенты не упускали ни одной возможности, чтобы устроить пирушку: устраивали, например, пышную встречу сына высокопоставленного соотечественника. Были, конечно же, и разногласия между городом и университетом, но они редко заканчивались трагически. Петрарка, обучавшийся праву в Болонье с 1323 по 1326 гг., был примерным студентом, прилежно учился, а в свободное время гулял с друзьями по окрестностям. Он вспоминал, как иногда возвращался поздно домой, когда ворота были уже закрыты. В 1323 г. каждый город Италии был окружен неприступными стенами, и Петрарка рассказывал, что если городские ворота были закрыты, он и его друзья знали места в стене, где «хрупкий штaketник наполовину прогнул, и каждый из нас мог спокойно пролезть через отверстие» [31].

4.2. МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ПАРИЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Другой древнейшей университет Западной Европы – Парижский – возник под влиянием и при непосредственном участии церковных властей. История Парижского университета начинается с кафедральной школы при соборе Нотр-Дам и двух монастырских школ – аббатства св. Женевиевы и аббатства св. Виктора. Особенное влияние оказало аббатство св. Женевиевы, поскольку там процветали главным образом «семь свободных искусств», тогда как две остальные школы были по преимуществу теологическими. В Париже существовали и другие школы, но именно эти школы уже в первой половине XII в. успели завоевать блестящую репутацию, которая привлекала к ним массу учащихся и учащихся. Мнение теологов Парижской кафедральной школы ценилось и принималось во внимание при разрешении богословских споров. Что же касается школьной области св. Женевиевы, то ее прославлению немало способствовал Петр Абеляр, учившийся сначала в кафедральной школе у каноника Вильгельма Шампо. Позже он вступил в состязание со своим учителем и после некоторых попыток устроиться в школу в других местах разбил палатку на северном склоне возвышенности, на которой было расположено аббатство св. Женевиевы. Петр Абеляр своей блестящей диалектикой привлек к себе массу слушателей из всех стран Европы. Преподавание Абеляра в Париже продолжалось с 1102 по 1136 г. После того как обстоятельства заставили его покинуть Париж, школьное дело было продолжено его учениками [25].

Возникновению университета в Париже предшествовало укрепление власти династии Капетингов (987–1328) и превращение города в политический, экономический и культурный центр. Одновременно развернулась конкуренция между множеством школ, что привело к концентрации учителей и наплыву желающих учиться. Короли (например, Луи VII сам был студентом) покровительствовали образованию. Парижские студенты были хорошо обеспечены питанием, но с жильем возникали проблемы. Поэтому в 1180–1186 гг. для малоимущих студентов были организованы коллегии, т.е. первая форма студенческих общежитий. Создание же самого Парижского университета явилось, прежде всего, делом рук преподавателей, пользовавшихся поддержкой короля и папы. Не обошлось без конфликтов с городом в период с 1208 по 1231 гг. Однако все это благополучно завершилось признанием в том же столетии автономии Парижского университета.

Школьную область св. Женевьевы в Париже называли «на горе», а кафедральную область – «между двумя мостами», так как она была расположена на острове реки Сены; на левом берегу Сены основался и так называемый латинский квартал, а книгопродавцы уже в начале XIII в. облюбовали себе место близ собора Парижской Богоматери. Именно в школьной области св. Женевьевы начался процесс образования землячеств – наций – сообществ школяров одного национального происхождения. Везучим студентам удавалось устроиться в коллегии (подобие современных общежитий). Название одной из древнейших парижских коллегий – Сорбонны – перешло со временем на весь Парижский университет. Во Франции, а позже в Англии коллегии положили начало особым учебным заведениям – колледжам.

Возникновение наций и факультетов Парижского университета стало важным этапом в истории средневековых университетов. Не школяры, как в Болонском университете, а магистры образовали здесь корпоративное объединение под руководством кафедрального канцлера, который и стал главой Парижского университета, позднее, когда в состав университета вошли нации, характер профессорской корпорации повлиял и на них. Таким образом, управление всеми делами в университете сосредоточилось в руках магистров наций, а не школяров. Предположительно, толчком к корпоративному объединению магистров, т.е. учителей, послужила осознанная необходимость регулировать переход от ученичества к учительству. Кафедральный канцлер давал дозволение учить (*licentiam docendi*) всем желавшим заняться преподавательской практикой, какой бы отрасли знания это ни касалось, и вел надзор над ними, так что все преподаватели Парижского университета зависели от канцлера. Обладание печатью – по средневековым понятиям – считалось столь же безусловно необходимым признаком всякой *universitas*, как общая касса, общее имущество и право установления статутов. В конце концов корпорация добилась права иметь собственную печать: это право было получено Парижским университетом в 1252 г. от папы Иннокентия IV.

В то же самое время шла внутренняя организационная работа: образование факультетов и наций представляет едва ли не самую любопытную страницу в истории возникновения Парижского университета. При знакомстве с историей возникновения Болонского университета мы не встречались с факультетами, потому что их там не было. Факультеты появились именно в Париже и из Парижа были заимствованы в другие университеты. Первоначально слово

«*facultas*» означало способность преподавать ту или иную область научного знания, а также и саму отрасль преподавания. В смысле обособленной области знания или научной отрасли слово «*facultas*» было употреблено папой Гонорием III в 1219 г. в его послании к Парижскому университету. В послании говорилось о том, что школяр, выдержавший испытание и получивший лицензию, может свободно «управлять» в той отрасли (*facultas*), в которой дана ему лицензия. Но в 1255 г. это выражение уже употреблялось в новом значении. Учащиеся и учащие «семи свободных искусств» (артисты) говорили: «...мы магистры искусств... ввиду новых и неисчислимых опасностей, угрожающих нашему факультету» [18], а в 1259 г. те же артисты требовали принятия присяги перед целым факультетом. Здесь слово «*facultas*» понимается уже не в смысле науки и способности преподавать научное знание, а в смысле совокупности магистров той или иной области знания, т.е. в современном значении слова. Итак, в 20–30-е гг. XIII в. все факультеты Парижского университета существовали отдельно, каждый сам по себе, каждому были даны полномочия устанавливать уставы и порядок чтения лекций и проведения диспутов, т.е. фактически вести самостоятельную жизнь факультета. Фактором развития факультетов послужила булла папы Григория IX, которую называли «великою хартией» Парижского университета. В папской булле, изданной в 1231 г., подтверждаются порядки, установленные в 1222 г., но все факультеты трактуются отдельно, каждому факультету дается право «...устанавливать уставы и порядки, какие окажутся нужными, относительно способа и часов чтения, относительно диспутиаций, костюма, погребения умерших, относительно бакалавров... таксирования квартир, дисциплинарных мер против ослушников» [28]. Булла прямо воспрещает одному факультету вмешиваться в дела другого.

От статутов и распоряжений отдельного факультета должны были различаться постановления целой «*universitas*», обязательные для всех факультетов; исключения из факультета рассматривалось как исключение из целого университета вообще, и, напротив, мнение теологического факультета по какому-нибудь вопросу рассматривалось как мнение целого университета.

Итак, название научной отрасли было перенесено на совокупность преподавателей этой области. Но и позднее, еще в папских и императорских учредительных грамотах, под «*facultas*» разумеется научная отрасль, и даже не одна из четырех, соответствующих че-

тырем факультетам, а всякая научная специальность. Папа или император соизволяли открытие в том или ином городе «генеральной школы», в которой должно вестись преподавание по богословию, каноническому и гражданскому праву, медицине, грамматике, диалектике и всякой другой дозволенной специальности, причем слово «дозволенная» означало, что разные недозволенные «искусства», например волшебство, исключались из университетского преподавания.

Рассматривая факультет как организованную совокупность преподавателей, вооруженную правом составлять статуты, логически можно вывести необходимость придать корпоративную законченность факультетской организации: во главе факультетов стали деканы (название заимствовано из церковной организации кафедральных капитулов), и каждый факультет получал особую печать. Все это делалось не вдруг, а постепенно: юристы и медики получили деканов в 1267 г.; печать юристы получили в 1271 г., медики – в 1274 г.; теологи дольше других оставались в непосредственной зависимости от канцлера, который обычно был сам теологом, и получили декана лишь в 1296 г.

В официальном документе от 1254 г. значится, что источник мудрости в Париже делится на четыре факультета: теологию, юриспруденцию, медицину и философию (разумную, естественную и моральную) – это как бы четыре реки рая, о которых говорится в книге Бытия [23]. Профессора этих факультетов, говорится в документе, чтобы иметь возможность с большими свободой и спокойствием предаваться научным занятиям, связав себя некоторыми специальными узами права, образовали корпорацию, получившую затем разные привилегии. Это историческое свидетельство нельзя понимать в том смысле, что Парижский университет образовался путем соединения четырех факультетов, существование которых таким образом предшествовало бы образованию университета. Образовательным элементом Парижского университета были просто магистры разных отраслей знания, факультеты же образовались позднее в силу солидарности, связывавшей отдельные группы преподавателей одной и той же дисциплины. Например, теологи естественным образом обособились от остальных потому, что с преподаванием теологии связывалось право проповеди, и теологи состояли в большей, чем все другие, зависимости от епископа, к тому же по возрасту они были солидными людьми (не моложе 34 лет). Медики, в свою очередь,

должны были на первый план ставить практику, а не теоретическое преподавание.

Другой фактор внутреннего организационного развития университета (кроме факультетов) – это нации. Деление на нации только школяров или школяров вместе с магистрами, стекавшихся отовсюду в Париж, – едва ли не более древнего происхождения, чем деление по факультетам. Некоторые исследователи полагали, что именно нации и легли в основу парижской университетской корпорации. Естественно, что пришедшая масса штудирующей молодежи, как и в Болонье, группировалась по землячествам. Эти землячества постепенно соединились в четыре большие группы, или нации: галльскую, английскую (заменившуюся на германскую, после того как ослабел приток англичан с образованием Оксфордского и Кембриджского университетов), пикардийскую и норманнскую. Почему образовались именно эти четыре нации, объясняется, вероятно, тем, что столько было названных национальностей в тот момент, когда складывалась данная структура. Пришельцы из других стран, например из-за Пиренейских гор или из Италии, присоединялись к одной из названных четырех наций, которые развились в автономные корпорации. Каждая из них имела свою печать уже в 40-х гг. XIII в., т.е. раньше, чем вся университетская корпорация получила бесспорное право иметь свою печать. Между тем факультеты развились на учебной почве в отношении к преподаваемым наукам, нации образовывались для взаимной поддержки студентов, для поддержания дисциплины и решения административных вопросов. Причем и в нациях активная роль принадлежала магистрам, а не школярам, как в Болонье. Во главе каждой нации стал прокуратор, а во главе всех объединенных наций – ректор. Но любопытнее всего то, что давление по нациям в полной мере было представлено только на факультете «искусств», в том смысле, что все без исключения и магистры, и школяры искусств должны были принадлежать к какой-нибудь из четырех наций. Магистры трех других факультетов состояли вне всяких наций; но школяры других факультетов входили в национальные корпорации наряду с «артистами», потому что они реально и юридически числились на факультете искусств.

С Парижским университетом связана ещё одна особенность университетской истории – исход (или сецессия) университета из города. История гласит, что как-то в одной из таверн Парижа школяры, употребляя точное выражение историка, «нашли вино превос-

ходным, но счет, предъявленный им за выпитое вино, слишком высоким». Отсюда вышло недоразумение: школяры побили владельца питейного заведения, а сбежавшиеся на шум соседи тем же отплатили школярам. Последние, полагая, что они остались в долгу, на следующий день снова явились, взяли таверну приступом и опустошили дом, нанося побои всем попадавшимся на пути мужчинам и женщинам. Спустя полгода, когда удовлетворения не последовало, университет фактически распался. Начались массовые переселения в Орлеан, Оксфорд, Кембридж и другие города. Так «великий поток научной жизни, выведенный из русла, распался на маленькие пересыхающие ручейки», – писал папа Григорий IX королю Людовика, убеждая его дать оскорбленным удовлетворение и возратить им привилегию Филиппа Августа. Привилегия Филиппа была возобновлена, но относительно удовлетворения за насилие советники короля не были расположены ни к каким уступкам. Булла, очевидно, предполагала содействие короля, поэтому одновременно с изданием буллы, направленной на имя университета, папа обратился с письмом к королю, убеждая его возобновить привилегию Филиппа и доставить удовлетворение школярам. Конфликт, наконец, был улажен, после чего начался новый прилив студентов, даже более сильный, чем когда-либо ранее. По утверждениям историков, были годы, когда в Париже училось до 30 тысяч студентов.

Этот эпизод очень точно отражает дискретность (прерывистость) – как особенность развития средневековых университетов. Университеты открывались и функционировали в течение какого-то времени. Потом в силу каких-либо обстоятельств (например, из-за конфликта с городом) они могли уйти в другой город или закрыться на несколько лет (например, из-за вспыхнувшей эпидемии), а затем вновь вернуться на прежнее место.

4.3. МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ

ОКСФОРДА И КЕМБРИДЖА

В отличие от университетских систем континентальной Европы британская система возникла и развивалась независимо от государства. Оксфорд и Кембридж были основаны под покровительством церкви и в состоянии были финансировать себя за счет пожертвований и платы за обучение. Точная дата основания Оксфордского университета неизвестна. Обучение в Оксфорде велось ещё с 1096 г.

Высылка иностранцев из Парижского университета в 1167 г. (в результате реформы Генриха II Плантагенета, который запретил английским студентам учиться в Сорбонне) заставила многих английских учеников уехать из Франции и поселиться в Оксфорде. Историк Джерард Уэльский читал лекции студентам ещё в 1188 г., а первое упоминание об иностранных учениках было в 1190 г., первым иностранным студентом по документам был Emo of Friesland. Н. Суворов [36], исследуя перипетии при открытии различных типов первых национальных университетов, указывает, что при королевском дворе в Лондоне и в английском епископате на Британских островах находилось больше магистров, чем при французской монархии и церкви. Однако английские студенты учились в Западной Европе. Они предпочитали Париж. Что же заставило их к концу XII в. вдруг захотеть учиться у себя на родине, в Англии, и при этом выбрать не столичный Лондон и не другие крупные кафедральные города, а провинциальный городок Оксфорд? Возможно, дело было в том, что в 80-е гг. XII в. Оксфорд имел определенное стратегическое и политическое значение [44]. Это был город, где размещалась королевская администрация. Здесь был также церковный центр. Все это привлекало ученых знатоков права и стимулировало предложение обучать и обучаться праву. На протяжении десяти лет Оксфордская школа права была единственной в Англии, которая привлекала иностранных студентов. Укреплению авторитета школы способствовала поддержка со стороны одного из самых известных теологов своего времени Александра Неккама, тоже преподававшего в Оксфорде.

Согласно переписной «Книге Судного дня» за 1086 г., Оксфорд с его 1018 домами был тогда шестым по величине городом Англии после Лондона, Йорка, Норвича, Линкольна и Винчестера. В те времена Оксфорд был растущим торговым городом, центром шерстяной и суконной промышленности. Ткачи и кожевники собрались в гильдии, их магазинчики процветали на Корнмаркет-стрит. Хартия 1155 г., передавшая Оксфорд Генриху II во временное пользование, даровала торговой гильдии привилегию, а горожанам – возможность гордиться тем, что они живут в городе, намного более древнем, чем даже их университет.

Что касается истории создания университета, то до сих пор нет объяснения, когда и как у бычьего брода, а именно так переводится с английского языка Oxford, появились первые академики.

Вероятно, как объясняют большинство историков, они пришли из Парижа: английские магистры и школяры то ли просто отправились в странствие, то ли король Генрих II призвал их обратно на родину, когда после его ссоры с Филиппом II Августом Парижским университет был закрыт для англичан. Вот таким образом около 1167 г. было положено начало университету, образовавшемуся в отличие от большинства других европейских университетов без королевского и папского благословений [45].

Ещё до принятия первой хартии *Universitas Oxoniensis* (1214) проводились неофициальные лекции, шёл своего рода учебный процесс, опиравшийся прежде всего на местные монастырские школы. Августинцы, бенедиктинцы, доминиканцы, францисканцы, цистерцианцы, кармелиты – все значимые ордена Средневековья были представлены своими конвентами в Оксфорде. Первым канцлером университета (около 1224 г.) стал францисканец Роберт Гроссетест, епископ Линкольнский. Будучи теологом-схоластом, он разработал научную методичку, основанную не только на метафизике, а представляющую некий сплав католической ортодоксии и аристотелевской логики, включающий элементы, физики и астрономии. Гроссетест стал первым из целой плеяды оксфордских учёных-францисканцев: Роджер Бэкон, Джон Дунс Скот, Уильям Оккам. Именно им (а также группе математически ориентированных философов из Мертон-колледжа) университет был обязан славой одного из ведущих учебных заведений Европы уже в первые годы своего существования. «Учитесь так, словно будете жить вечно; живите так, словно завтра умрёте» – такой совет давал студентам св. Эдмунд Абигонский [45].

Поначалу студенты жили в так называемых *halls* (холлах), предшественниках колледжей. Эти *hospitia* (бурсы – помещения для бедных студентов при средневековых духовных семинариях) представляли собой частные квартиры, снимаемые в городе некоторыми преподавателями для размещения учеников и их обучения. Но лишь колледжи, основанные епископами или членами королевской фамилии, получили статус самостоятельных объединений с собственными уставами. В отличие от бурсы они имели определённый имущественный фонд и связывали себя обязательством постоянно молиться за души основателей. Сложившийся симбиоз науки и почитания мёртвых обеспечил коллегиальным учебным заведениям независимость, самоуправление и растущую роль в университетской политике. *Halls*, которых когда-то было более ста двадцати, постепенно

вливались в колледжи и поглощались ими. Лишь Сент-Эдмунд-холл дожил до наших дней, так и не обзаведясь основателями.

К концу XII столетия учебные и жилые сообщества объединились в университет, по смыслу представлявший собой не что иное, как *universitas magistrorum scholarium*, т.е. объединение обучающихся и обучающихся, организованных в академическую гильдию, которая, как и другие гильдии, обеспечивала членам правовую защиту и привилегии, в том числе снижение платы за проживание. Наряду с университетами Парижа и Болоньи Оксфордский университет входил в тройку первых высших учебных заведений Европы. Высшая школа в Праге присоединилась к ним лишь в 1348 г., а старейший германский университет (Гейдельбергский) – в 1386 г.

Тем временем в Оксфорде сформировалась университетская система, отличная от континентальных. Университет удовлетворил стремление своих академиков самостоятельно выбирать канцлера университета и тем самым обеспечил относительную независимость от церкви и королевской власти, ограниченную лишь автономией собственных колледжей. Важно отметить, что федералистское коллегиальное устройство наряду с антицентралистской структурой формирует дух Оксфордского и Кембриджского университетов по сей день. Например, право матрикуляции, т.е. запись в высшее учебное заведение в начале академического года (начало октября), целиком передано университетом на усмотрение колледжей.

Очень скоро слава Оксфорда стала притягивать учёных и студентов со всей Европы. Они селились в основном в северной и восточной частях города, вокруг университетской церкви св. Девы Марии. Там возник «латинский квартал», где говорили по-латыни и носили академические мантии. Это был *gown* (в переводе с англ. мантия) – университет как сообщество людей, облаченных в мантию. Сам *town* (в переводе с англ. – город) – часть города, не имеющая отношения к университету, с его торговыми лавками сосредоточился в западной части города.

Впрочем, нелюбимые чужаки приносили ощутимую прибыль хозяевам постоянных дворов и торговцам, булочникам, сапожникам, кузнецам, каменщикам – всем представителям сферы обслуживания, развивающейся вместе с колледжами. Но симбиоз между *gown* и *town* порой омрачался ростом напряжённости. С обеих сторон имели место соперничество, враждебность, злоупотребления. Так, в 1355 г. в день св. Схоластики дело дошло до мятежа. В тот день, 10 февра-

ля, несколько студентов отрицательно высказались о скверном вине в таверне «Свиндлсток», завязалась драка. Обычная драка вскоре переросла в уличные бои. Вообще-то, в этом тоже не было ничего необычного. Но в течение двух последующих дней толпа горожан громила студенческие квартиры и убивала студентов. В результате были убиты 63 человека. Король приговорил город к штрафу, который тот должен был выплачивать по частям на протяжении пятисот лет [17].

Нет сомнений, что горожане с самого начала невзлюбили «мантии» за их привилегии. Хартия 1214 г. гарантировала университетским права, которых не было у горожан. Преподаватели – в те времена исключительно из духовенства – подлежали не гражданскому суду, а церковному. Его осуществлял сам канцлер, *cancellarius scolarium Oxonie*, высший университетский авторитет, причём не только в вопросах студенческой дисциплины. Благодаря суду канцлера в Средние века университет приобрёл юридическую власть, которая могла стоить кое-кому головы. В XVIII в. служащего одного из колледжей приговорили к смерти только за то, что он украл вино из Брасеносколледжа. Контроль качества товаров, право лицензировать театральные постановки на тридцать километров вокруг долгое время оставались университетскими привилегиями. Конфликту между *town* и *gown* способствовало и то, что с 1604 г. университет получил право независимо от города посылать в парламент одного представителя, избранного выпускниками, независимо от их нынешнего места проживания. Эта академическая привилегия, которую Яков I даровал также Кембриджу, была отменена лишь в 1945 г.

О становлении Кембриджского университета рассказывалось следующее [42]. Аббат одного монастыря в Линкольншире, учившийся ранее во Франции, выписал оттуда четырех учителей – одного по толкованию Св. Писания и трех по философии. Выписанные учителя наняли в Кембридже сарай и открыли в нем школу. На второй год число учеников настолько возросло, что не только сарай, но и церковь не могли их вместить: поэтому нашли нужным разделить учащихся на классы и читать в разные часы. Король Генрих III в своей грамоте от 1231 г. радуется тому, что в Кембридж стекается множество людей ради научных занятий из разных стран. Король принимает штудирующих под свое покровительство от притеснений горожан и предписывает таксировать квартиры «по обычаю университетскому». Впрочем, в других своих грамотах тот же король жалу-

ется на то, что школяры не знают никакой дисциплины, ведут себя заносчиво и не подчиняются наказаниям канцлера и магистров. Так, в 1261 г. по причине столкновения студентов с горожанами король разрешил школярам оставить Кембридж и уйти в Нортгемптон. В Кембридже процветали теология и искусства, а особенно математика. Во главе университета, как и в Оксфорде, стоял канцлер. Так называемые коллегии получили в английских университетах большее развитие, чем где-либо. Кембридж создавался именно в результате перехода студентов и магистров, которые выступили против ареста и наказания нескольких студентов в результате своеволия властей. Кембридж, собственно как и Оксфорд, – это сеть колледжей. Колледжи являются учреждениями, обеспечивающими полный курс обучения. Каждый колледж был построен по замковому принципу: здесь студенты жили, учились, посещали библиотеки, клубы, приходили на богослужение.

Оксфордский университет, как и Кембриджский, был насквозь пропитан монастырским духом [44]. Средневековая ученость выросла на этой почве, но церковные и монашеские корни колледжей сохранились лишь во внешних проявлениях, таких как черные мантии, латинские титулы и ритуалы и названия колледжей: Jesus (колледж Иисуса), Trinity (колледж Троицы), All Souls (колледж Всех Святых) и Corpus Christi (колледж Тела Христова).

В те дни, когда в старейших университетах Италии процветали медицина и юриспруденция, в Оксфорде ведущую роль играла *doctrina sacra* (священная доктрина) – школа богословия, теологический факультет. Только среди епископов Кентерберийских в XIV в. было шесть выпускников Оксфордского университета. Число оксфордских колледжей, основанных епископами, гораздо больше, чем в Кембридже; как и количество епископов и деканов, окончивших именно этот университет. Впрочем, из теологических семинаров выходили и влиятельные политики. Королевская власть нередко выбирала себе министров и канцлеров из верхушки духовенства. Оксфорд, питомник блестящих церковных и государственных деятелей, постепенно превратился в национальный институт, чья история, словно зеркало, отражала историю страны [45].

В дальнейшем гуманистические идеалы воспитания человека высвободили колледжи из-под влияния церкви, начиная с библиотек и заканчивая курсами изучаемых наук. На смену средневековым богословским дисциплинам (*divinities*) пришли гуманитарные (*hu-*

manities). Вместо схоластического канона предпочтение отдавалось лингвистическому, литературному образованию, основанному на изучении античной литературы. Возник факультет *Litterae Humaniores*, и набор классических дисциплин, вынесенных им на экзамены, получил в Оксфорде название *the Greats* (Великие). Классические филология и история стали прерогативой университета, греческий и латынь для нескольких поколений студентов оставались идеальными языками, позволявшими добиваться успеха в Африке, Индии и остальном мире. Те, кто разобрался в устройстве Римской империи, считались способными управлять Британской империей.

В Средневековье языком европейской учености была латынь, и именно по-латыни золотыми заглавными буквами на синем фоне над главным входом в университетскую библиотеку перечислены *scholae* (что можно перевести как учебное заведение и как философское направление) – предметы и факультеты, доступные для посещения тогдашнему оксфордскому студенту. Обучение начиналось с грамматики, логики и риторики, продолжалось изучением арифметики, геометрии, музыки и астрономии: семилетний курс семи *artes liberales* (свободных искусств). По окончании учебы бывший студент становился бакалавром искусств.

Для осуществления своей власти и церковь, и королевская власть нуждались в квалифицированных молодых кадрах. Поэтому был основан специальный колледж (Нью-колледж), а также подготовительная ступень к нему: латинская школа Винчестер-колледж. Система образования, включавшая весь цикл – от школы до университета, была тогда совершенно нова, но именно она послужила педагогической моделью Генриху VI, внесшему свою лепту шестьдесят лет спустя, когда он основал одновременно Итон и Кингз-колледж в Кембридже.

Вплоть до середины XIX в. в Нью-колледж принимались исключительно те, кто изучал латынь в элитарной школе Винчестера. Поступить в колледж можно было между пятнадцатью и двадцатью годами. Учащихся колледжей тогда называли «королевские чада»; и в самом деле, они были детьми – поступали в колледж примерно в возрасте 14 лет. Каков был социальный состав студентов в те времена? Своих сыновей посылали в Кембридж мелкие землевладельцы и представители городской верхушки, реже аристократия и поместное дворянство. Студозусы раннего Средневековья жили в суровых, по-монашески строгих условиях. Часто только доктора богословия,

т.е. теологи, получившие докторскую степень, могли претендовать на отдельную комнату. Остальным членам колледжа приходилось делить жилье с группой студентов.

Службы в часовне были обязательными для посещения ранним утром и вечером, лекции проходили в убогих, холодных помещениях с застланным соломой полом. Ни спорта, ни какого-либо иного организованного досуга не было. Единственное развлечение – городские таверны и женщины, которых там можно было найти. Еще в 1342 г. слышались жалобы на модные экстравагантности студентов и донов: «Пренебрегая тонзурой, знаком их положения, они носят длинные, ниспадающие на плечи, как у женщин, волосы, завивают их локонами и напудривают... Они ходят в мантиях с оторочкой из меха, красно-зеленых клетчатых туфлях и шелковых шарфах необычной длины; их пальцы унизаны кольцами, талии перетянуты широкими дорогими поясами, украшенными фигурами и золотом, а на поясах, словно мечи, висят ножи» [43].

Уже в то время академический год был поделен на три триместра. В Кембридже, как и во всех европейских университетах Средневековья, прослушивался элементарный курс из семи *artes liberalis* (свободных искусств), которые также называли бесхлебными: грамматика, логика и риторика (*tritium*,) за ними следовали арифметика, музыка, астрономия и геометрия (*quadrivium*), а в завершение – три философские дисциплины: метафизика, этика и натурфилософия. Тот, кто после долгих лет обучения выдерживал все экзамены, становился магистром искусств и получал право на преподавание. Тем же, кто хотел сделать карьеру при дворе или в церкви, стать доктором юриспруденции, медицины или теологии, предстояло учиться ещё десять лет. Итого – семнадцать лет учебы, без каких бы то ни было именных стипендий.

У выпускников Оксфорда и Кембриджа (или как их стали называть – Оксбриджа) в те времена были хорошие шансы получить работу. Во всяком случае, после эпидемии чумы 1348–1349 гг., которая унесла треть населения Англии, потребность в образованных священнослужителях, управляющих, юристах, врачах возросла [17].

К 1470 г. в Кембридже было восемь колледжей и почти две дюжины общежитий. Всего в университете было около семисот членов – меньше, чем в настоящее время в одном Куинс-колледже. Только в XV столетии бедный родственник Оксфорда сравнялся с ним если не по значимости, то по размерам.

Из сохранившихся студенческих записей известно, как учились кембриджские воспитанники: за изучением Аристотеля следовало штудирование трудов оксфордских ученых. Между тем оба университета в отличие от Парижа, к примеру, выделялись в Средние века традиционной склонностью к экспериментальной натурфилософии, к математической и символической логике, ярко вспыхнувшей как в теологических тонкостях Дунса Скота, так и в скептицизме Оккама [44].

До основания в Европе университетов центрами науки выступали монастыри и церковные школы. Там собирались рукописи, Священные Писания и другие документы, а также редкие в почти сплошь безграмотном обществе ученые мужи. Но, так же как и в Кембридже, монастыри появились раньше колледжей. В их среде возникли и новые орденские филиалы. С появлением университета число монахов выросло, монашество выступало теперь существенным стабилизирующим элементом академического сообщества. Многие из первых студентов (и не только с теологического факультета) были клириками или впоследствии становились ими. Язык церкви (латынь) являлся универсальным наречием для учёных Болоньи, Саламанки и Кембриджа. Именно здесь, как ни в каком другом месте, остро соперничали между собой за главные кафедры францисканцы и доминиканцы. Это неизбежно порождало потребность в более свободном дискурсе, в том числе направленном против традиционной церковной доктрины.

Трения между *town* и *gown* для средневековых университетов не являлись чем-то особенным. Еще в 1231 г. Генрих от имени школяров жаловался бургомистру Кембриджа на непомерную плату за квартиры. Горожане же, в свою очередь, были недовольны обширными правами университетов: от контроля за продажей спиртного до собственной судебной привилегии, которыми все английские монархи при вступлении на трон наделяли оба университета формально вплоть до королевы Елизаветы II. Много злости выплеснулось, когда в 1381 г. Кембридж охватило крестьянское восстание: чернь под предводительством бургомистра громила студенческие квартиры, колледжи, добралась и до сейфа университета в церкви св. Девы Марии. Университетские акты были уничтожены, документы и книги сожжены на рыночной площади. За бесчинства 1381 г. город дорого заплатил. Король только усилил положение университета. Отныне университет осуществлял контроль мер, весов и цен на продукты

повсюду в Кембридже. Он контролировал даже свободное времяпрепровождение, футбольные соревнования и театральные постановки, петушинные бои и охоту на медведей.

Только по закону парламента от 1856 г. университет потерял право инспектировать рынки и ярмарки, лицензировать розлив пива и отправлять собственное правосудие. Но древнее право оберегать своих студентов от опасных искушений сохранялось до 1894 г.: право ареста проституток и лицензирования театральных представлений. До 1974 г. в городском совете Кембриджа было четыре представителя университета.

Лишь в начале XXI в. правительству Тони Блэра удалось лишить Кембриджский университет последней привилегии, восходящей к Хартии Ричарда II (1382): права выдавать лицензии на торговлю вином.

Важнейшую роль в развитии как города Оксфорда, так и университета сыграла такая отрасль промышленного производства, как книгопечатание. Университетская типография стала самым крупным работодателем (750 рабочих мест) к XIX в. Начало этому было положено в 1636 г., когда архиепископ Лауду закрепил за своим университетом монопольное право на распространение Библии в «авторизованной редакции» и особую королевскую привилегию – возможность печатать «книги всех мастей». В XIX в. Библии и молитвенники были самыми печатаемыми книгами: их в огромных количествах отправляли на кораблях в Америку и в самые дальние уголки Британской империи. Потом стали издаваться школьные учебники, антологии, энциклопедии, лексиконы, ну и, конечно, легендарный «Оксфордский словарь английского языка». Оксфордские книги превратились в бренд, а *Oxford University Press* – в самое большое университетское издательство в мире.

Первый в истории инцидент, называемый забастовкой преподавателей, связан также с Оксфордом. Здесь забастовка длилась почти пять лет с 1209 по 1214 г. Преподаватели требовали от городских властей прекратить притеснение студентов, предоставив им такие же гарантии свобод и привилегий, которыми обладали парижские коллеги-студенты.

Во второй половине XIII в. Оксфордский университет выступает уже как соперник Парижского. Из-за разгоревшегося в 1229 г. в Париже конфликта между студентами и горожанами многие парижские магистры и школяры прибыли в Оксфорд со своими па-

рижскими статутами. Отсюда объясняется сходство во многих отношениях Оксфордского университета с Парижским: сосредоточение всей руководящей власти в руках магистров, процветание теологии и искусств, канцлер во главе университета. В дела Оксфордского университета папе приходилось вмешиваться реже, чем в Париже, и, напротив, королевская и городская власть сильнее влияли на ход университетской жизни. Оксфорд, как позже и Кембридж, находили в короле поддержку в развитии университетов. Таким образом, расцвету собственно Кембриджского университета содействовали переселения магистров и школяров из Оксфорда после событий 1209 г. и из Парижа после событий 1229 г. [17].

Несмотря на начавшееся уже в XIV столетии возвышение класса английской буржуазии, ведущую роль в жизни страны в Средние века играла церковь. Особое внимание она уделяла образованию. Образование развивалось без прямого контроля со стороны государства. Церковь имела почти полную монополию на грамотность и образование. Основными образовательными учреждениями того времени были монастырские школы. Кроме того, появились первые университеты: Кембриджский и Оксфордский. «С XIII века и до начала XVI университеты являлись профессиональными школами, обеспечивающими нужды субобщества – церкви. Из университетов исходил непрерывный и постоянно возрастающий поток теологов, специалистов по церковному праву и образовательной элиты для этого субобщества», отмечают исследователи [5, 45]. Такое положение сохранялось до первой половины XIV в., т.е. до наступления Реформации, которая в Англии не являлась выражением протеста широких народных масс, а была скорее «задумана» и проведена «сверху» королевской династией Тюдоров с целью устранения экономической и политической зависимости от Римской католической церкви. В результате Реформации король Генрих VIII объявил себя в 1531 г. главой Английской церкви, поставив, таким образом, духовенство под контроль государства, но сохранив при этом основные иерархические структуры католической церковной организации. Наступление Реформации имело весьма важные последствия для дальнейшего развития образования, так как церковная реорганизация дала государственной светской власти возможность регулировать решение образовательных задач.

История Кембриджа в большей степени, чем Оксфорда, является историей университета. Ничто так не меняет облик средневеко-

вого города, как строительство колледжа, и ничто так не злит горожан, как рост университетских владений [42]. В результате всех описанных перемен система высшего образования стала приобретать светский характер: учеба в подведомственных Английской церкви университетах могла теперь служить началом не только церковной, но и светской карьеры. Однако все эти изменения не коснулись традиционных основ Средневековья – высшего образования, которое по характеру и содержанию обучения являлось образованием либеральным, т.е. свободным.

4.4. МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ИТАЛЬЯНСКИХ, ИСПАНСКИХ, НЕМЕЦКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ И УНИВЕРСИТЕТА ДУБЛИНА

К числу древнейших университетов своеобразного типа принадлежал Неапольский университет, учрежденный в 1224 г. императором Фридрихом II, королем сицилийским. Этот университет принято называть государственным университетом, в отличие от итальянских городских университетов. Поэтому его можно рассматривать как первый опыт своеобразного императорского или королевского университета. Император мотивирует учреждение университета в Неаполе желанием избавить своих подданных от необходимости странствовать, бедствовать и голодать по чужим странам в поисках научного образования и обращает внимание, что город Неаполь соединяет в себе все условия, обеспечивающие приятную и спокойную жизнь. Подданным воспрещается в будущем посещение каких-либо чужих университетов, а тем, которые уже начали учение в чужих странах, предписывается осенью явиться в Неаполь под страхом тяжелого наказания их родителям. В пределах самого сицилийского королевства воспрещается читать или слушать лекции где-нибудь в другом месте, кроме Неаполя. Фридрих пригласил профессоров всех научных отраслей, назначил им жалованье; а школярам, даже и чужеземным, из каких бы стран они ни были, обеспечил свое покровительство и на время их путешествия в Неаполь, и во время пребывания в Неаполе. В конце учебного курса император после предварительного испытания сам выдавал лицензию кандидатам, прошедшим школьный стаж. Именно кандидат должен обращаться с прошением к королю, а король поручает профессорам произвести испытание. Особенностью получения лицензии в Неаполе было то, что перед получением лицензии кандидат должен был принести при-

сягу на верность королю, а получив лицензию, был обязан не менее двух лет преподавать в Неаполе.

Последующие правители смотрели на университет как на составную часть государственного управления. Несмотря на то что право учреждения университетов в эпоху Средневековья, как правило, принадлежало церкви, учреждение университета в Неаполе формирует новую тенденцию.

Из испанских университетов наибольшую известность имел Университет Саламанки. Годом основания университета считается 1218-й, когда по указу короля Альфонса IX монастырская школа Саламанки была преобразована в университет. Внук основателя, Альфонс Мудрый, продолжая начинание, в 1254 г. закрепил за ней особые привилегии и источники финансирования. Церковь тоже не осталась в стороне: в 1255-м папа Александр IV дарует университету право собственной печати, а его выпускникам – право повсеместного преподавания.

Благодаря высочайшей поддержке университет окреп и стал бесспорным лидером среди других учебных заведений Пиренейского полуострова. Централизация же светской власти при Фердинанде и Изабелле, активная колонизация испанцами Нового Света и необходимость распространения веры на новых территориях потребовали увеличения числа образованных людей. Высшая школа Саламанки составляла гордость Испании. Король Альфонс X в 1243 г. издал грамоту, в которой сказано, что король принимает учащихся и учащихся под свое покровительство, воспрещается причинять вред школярам, а последние обязываются соблюдать мир с обывателями и получать духовную подсудность по спорным делам как между ними самими взаимно, так между ними и обывателями. Школа в Саламанке была по преимуществу юридической. Юные отпрыски благородных семейств, дети зажиточных и не очень зажиточных горожан, чиновников, землевладельцев, военных и коммерсантов из разных концов королевства отправляются в Саламанку, где их учили в основном праву и теологии. В 1566/67 учебном году количество студентов достигло 7863 человек. Для того времени, когда все население Мадрида составляло 11 тысяч, – беспрецедентно высокая цифра. Золотой век университета продлился почти четыре столетия, с XIV по XVII. Затем, однако, последовали десятилетия упадка и забвения. В XVIII–XIX вв. Саламанка разделила печальную участь всех испанских университетов: война за независимость в Америке и бесконечные реформы надолго подорвали престиж классического образования.

В Германии долгое время не было своих университетов. Первый шаг в истории германских университетов был сделан, строго говоря, не в Германии, а в столице богемского королевства – Праге – богемским королем, позднее германским императором, Карлом IV. Король в 1346 г. представил документ папе о том, что в его королевстве и в других смежных с ним землях нет генеральной школы, которая была бы весьма полезна, особенно в метрополии – Праге, расположенной в середине королевства и посещаемой массой людей из разных стран. Папа удовлетворил желание короля, одоббив его намерение и предоставив буллой от 1347 г. пражской генеральной школе обычные университетские привилегии. Король в 1348 г. своей учредительной грамотой обеспечил за членами университета все привилегии, иммунитеты и вольности, присущие университетам Парижа и Болоньи, и затем в следующем 1349 г., уже как император, снова подтвердил прежнюю королевскую грамоту. Учившийся в Парижском университете, Карл IV дорожил своим созданием – Пражским университетом и до конца своей жизни заботился о нем. Но в целом у ведущих слоев немецкого городского населения – бюргеров – в то время не было интереса к университету. Они считали высшей ценностью знатность происхождения, позволяющего занять высокое положение в церковной иерархии, в то время как, к примеру, во Франции этому фактору придавалось меньшее значение, а успехи в учебе могли помочь выходцам даже из незнатных семей сделать хорошую карьеру.

Но ситуация меняется, и к концу XIV в. начинает проявляться соревнование между князьями и городами Германии в деле открытия университетов. В конце XIV в. были учреждены университеты в Гейдельберге, Кельне, Эрфурте, а в течение XV в. появились университеты в Вюрцбурге, Лейпциге, Ростоке, Грейфсвальде, Фрейбурге, Ингольштадте, Трире, Тюбингене и Майнце. К концу XV в. в Германии уже господствовал взгляд, что университет не может быть учрежден никем, кроме универсальных властей, т.е. императора и папы. Времена, когда университеты зарождались сами собою, благодаря талантам и энергии преподавателей и любознательности учащихся, прошли безвозвратно. Миновали также и времена свободного переселения университетов из одного города в другой. Иногда случалось, что, например, Венский или Кельнский университеты, из-за притеснений и нападений со стороны горожан грозили оставить город и переселиться в другой; но угроза не производила никакого эффекта на горожан. Хотя Лейпцигский университет обязан своим возникновением переселению, но

это переселение совершилось при исключительных обстоятельствах на почве национальной оппозиции, и переселившийся университет не замедлил получить папскую учредительную грамоту.

Интересна история Тринити-колледжа, самого престижного из университетов Ирландии. Университет имеет многовековую историю и богатые традиции. Первая попытка создать университет в Ирландии в начале XIV в. окончилась ничем. И лишь к концу XVI столетия волна интеллектуальной активности, поднявшаяся в Европе, захватила и Ирландию. Решающую роль снова сыграла горстка энтузиастов – ученых мужей, которые и обратились к королеве Елизавете I с прошением позволить им основать в Дублине университет. Это случилось в 1591 г., еще через два года в новое учебное заведение приняли первых студентов, обучать которых было призвано четверо преподавателей. Так родился Тринити-колледж, который вошел в пятерку ведущих высших учебных заведений Британских островов.

За первые полвека своего существования университетское общество и сам университет значительно выросли. Начали закладываться основы будущих факультетов и ставшей впоследствии знаменитой университетской библиотеки. Но в стране, постоянно раздираемой восстаниями против англичан и междоусобицами враждующих кельтских кланов, нелегко было возводить храм наук. Хотя Елизавета жаловала университету поместья, конфискованные у мятежных лордов, владения не приносили прибыли. Первоначальный капитал, пожертвованный на развитие, быстро закончился. Несколько лет университет существовал без ректора, потому что не мог платить ему даже скромное жалованье. Лишь финансовые вливания, произведенные после смерти Елизаветы королем Яковом I, позволили Тринити-колледжу твердо встать на ноги.

Самый сложный период Тринити-колледж пережил в 1689 г., когда свергнутый с английского престола король-католик Яков II со своим войском сделал Ирландию плацдармом войны с новым королем Вильгельмом Оранским. События, названные в Англии Славной революцией, для Ирландии обернулись кровью и лишениями. Стало некоей дурной традицией, что в годину испытаний колледж лишался «верхушки»: вот и на сей раз ректор, прихватив с собой нескольких профессоров, бежал в Англию. А Якову было не до наук: в 1689 г. он попросту выставил на улицу профессоров и студентов, не разрешив им взять с собой ничего, кроме книг, и устроил в зданиях колледжа и часовни казарму, тюрьму и военный склад. Спасло университет то,

что католические священники, поставленные экс-монархом во главе Тринити, сделали всё, чтобы спасти библиотеку, где уже тогда хранились бесценные кельтские рукописи.

Университет французского города Монпелье был среди тех университетов, в основе которых была высшая медицинская школа. Благоприятные обстоятельства позволили учащимся и их преподавателям объединиться и создать унитарную корпорацию. Основные причины открытия университета были сходны с теми, что были в Болонье, Париже, Оксфорде: экономическая значимость региона, расцвет культуры, стихийно возникший центр высших школ медицины и права, которые привлекали издалека иностранных студентов. Также имело значение и то, что Монпелье имел особое политическое значение. Это был аванпост Папы Римского, благодаря чему папа гарантировал автономию и всяческую поддержку университету. Следует отметить, что отцы церкви поддерживали независимость университетских корпораций, сами участвовали в создании новых учебных центров.

Итак, к XIV в. было сформировано несколько основных моделей развития университетов. Если Парижский университет, о котором пишет Дюркгейм, возник как ассоциация преподавателей, то его ровесник итальянский Университет в Болонье (или, как считают итальянцы, вообще первый университет в Европе) возник как сообщество студентов, желающих изучать право. Это, собственно, и были два первых типа университета – гильдия учителей и гильдия студентов.

Болонский университет был корпорацией студентов, именно студенты определяли, кто, где, когда и за какую плату будет их учить. В Болонском университете появляются первые землячества студентов. В Парижском университете, напротив, вся власть принадлежала преподавателям, там же впервые появляются факультеты, объединяющие профессоров и студентов общей сферой научного знания. В открытии университетов самое деятельное участие принимала католическая церковь. Так, из 79 университетов, возникших в Западной Европе до начала XII в., 50 были официально основаны папами. Большой вклад в открытие университетов внесла и монархическая власть. Особенно это было типично для английских университетов – Оксфорда и Кембриджа.

Там же, где не было поддержки со стороны короля или папы, университеты возникали много позже и только при условии достаточно длительного опыта хороших авторитетных профессиональ-

ных школ, а также развитой экономической, социальной и культурной жизни. В приложении 3 представлены фотографии старейших университетов Западной Европы.

Университет выполнял свои основные предназначения. Прежде всего это выработка, сохранение и передача знаний, идей, культурных традиций, подготовка интеллектуальной элиты общества, создание на этой основе научных школ, что и обеспечивало движение прогресса. Развитие науки – главнейший приоритет университетов. Социокультурная миссия университетов также была чрезвычайно значима: они формировали нового индивидуума, общество в целом, другую цивилизацию. XIII в. вошел в историю как век университетов, это было время, когда университеты основательно занялись изучением экономических, социальных, политических, институциональных, интеллектуальных и духовных проблем общества. Именно в этот период университеты начали осознавать себя как своеобразный цивилизационный феномен, когда была создана инфраструктура, когда некая группа (элита, каста) начинает осознавать себя чем-то новым – корпорацией интеллектуалов, движущих жизнь, переживает второе рождение, связанное с осознанием своей самобытности, необычности, неповторимости. Таким образом, средневековые университеты формировали новую цивилизацию.

Таким образом, к концу Средних веков Западная Европа имела единую образовательную систему разных уровней. Она оставалась еще связанной с церковью, но приобретала все более светский характер. Новые формы образованности и новые знания, хотя и медленно, но все же проникали в университеты (особенно в Италии и Германии). Университеты становились во главе движений за национальную культуру, но при этом сохраняли единое университетское образовательное пространство Европы: студенты продолжали совершать свои «академические паломничества», переезжая из университета в университет. В приложении 2 представлена карта старейших университетов Европы.

Средневековая система образования и школы претерпели множество изменений. Представим список университетов, открытых в средневековой Европе с XI по XV в.

XI в.

Италия:

- 1088 г. – Болонский университет

XII в.

Франция:

- между 1150 и 1170 гг. – Парижский университет

Италия:

- 1175 г. – Моденский университет

Англия:

- начало XII в. – Оксфордский университет

XIII в.

Италия:

- 1222 г. – Падуанский университет (закрывался в 1237–1261, 1509–1517, 1848–50 гг.)
- 1224 г. – Неаполитанский университет (не функционировал в 1435–65, 1474–78, 1480–87, 1496–1507, 1527–29, 1531, 1547, 1562, 1585 гг.)
- 1246 г. – Сиенский университет
- 1290 г. – Мачератский университет

Испания:

- 1218 г. – Университет Саламанки
- 1293 г. – Мадридский университет
- 1300 г. – Леридский университет

Англия:

- 1209 г. – Кембриджский университет

Франция:

- начало XIII в. – Университет Монпелье (закрылся во время Великой Французской революции)
- 1229 г. – Тулузский университет (закрылся во время Великой Французской революции)

Португалия:

- 1290 г. – Коимбрский университет (основан в Лиссабоне, где и базировался в 1290–1308, 1338–54, 1377–1537 гг.).

XIV в.

Италия:

- 1303 г. – Римский университет
- 1308 г. – Университет в Перудже
- 1321 г. – Флорентийский университет
- 1336 г. – Университет в Камерино
- 1343 г. – Пизанский университет
- 1360 г. – Университет в Павии

Франция:

- 1303 г. – Университет Авиньона

- 1305 г. – Университет Орлеана
- 1339 г. – Университет в Гренобле
- 1350 г. – Университет в Перпиньяне
- 1364 г. – Университет Анжу

Германия:

- 1385 г. – Гейдельбергский университет
- 1388 г. – Кёльнский университет
- 1392 г. – Университет в Эрфурте

Венгрия:

- 1367 г. – Печский университет, Венгрия
- 1389 г. – Будапештский университет, Венгрия

Чехия:

- 1348 г. – Карлов университет, Прага,

Польша:

- 1364 г. – Ягеллонский университет, Краков

Австрия:

- 1365 г. – Венский университет

Хорватия:

- 1396 г. – Университет в Задаре

XV в.

Германия:

- 1402 г. – Вюрцбургский университет
- 1409 г. – Лейпцигский университет
- 1419 г. – Ростокский университет
- 1456 г. – Грайфсвальдский университет
- 1457 г. – Фрайбургский университет
- 1472 г. – Мюнхенский университет
- 1472 г. – Ингольштадский университет
- 1473 г. – Трирский университет
- 1476 г. – Майнцский университет
- 1477 г. – Тюбингенский университет

Франция:

- 1409 г. – Университет в Экс-ан-Провансе
- 1423 г. – Дольский университет
- 1431 г. – Университет в Пуатье
- 1432 г. – Университет Кан Нижняя Нормандия
- 1441 г. – Университет в Бордо
- 1461 г. – Нантский университет

Италия:

- 1405 г. – Туринский университет
- 1430 г. – Университет в Ферраре
- 1444 г. – Катанийский университет
- 1481 г. – Университет Генуи
- 1482 г. – Университет в Парме

Испания:

- 1450 г. – Барселонский университет
- 1470 г. – Университет в Сарагосе
- 1499 г. – Университет в Толедо

Шотландия:

- 1413 г. – Сент-Эндрюсский университет
- 1451 г. – Университет Глазго
- 1494 г. – Абердинский университет

Бельгия:

- 1425 г. – Университет в Лёвене

Турция:

- 1453 г. – Стамбульский университет

Швейцария:

- 1459 г. – Базельский университет

Швеция:

- 1477 г. – Уппсальский университет

Дания:

- 1478 г. – Копенгагенский университет

ГЛАВА 5

НОВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ УНИВЕРСИТЕТОВ: ДЖОН НЬЮМЕН И АЛЕКСАНДР ГУМБОЛЬДТ

Новые университеты позднего Средневековья – начала Нового времени – строились в основном по парижскому образцу. Они стремились иметь четыре «классических факультета» – искусств, теологии, права и медицины.

5.1. ДЖОН НЬЮМЕН: НОВАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ УНИВЕРСИТЕТА

Джон Генри Ньюмен (1801–1890) – кардинал, теолог, философ, писатель. После окончания средней школы Ньюмен поступил в Trinity College Оксфордского университета, где изучал литературу, математику и юриспруденцию. В 20 лет получил степень бакалавра и начал изучать богословие. В 1845 г. перешел в католичество. Получив общественное признание, а также степень доктора теологии в 1851 г., Ньюмену поступило предложение высказать свои рекомендации по поводу основания в Ирландии университета для католиков и прочесть там серию лекций, направленных против «смешанного образования» (т.е. против совместного обучения католиков и протестантов, когда из учебного плана изымались теология и религиозное учение). Работа Ньюмена «Идея университета» («The Idea of a University») является одним из классических текстов, во многом заложивших западноевропейскую традицию философского обсуждения университета, рассматриваемого как субъект социальных изменений.

Как отмечают исследователи, для Ньюмена значимой моделью, своего рода образцом, выступал Оксфорд – его Alma mater [19]. Одной из фундаментальных идей этой работы является всестороннее актуальное обоснование миссии университета – утверждение единства человечества. Ньюмен справедливо полагал, что все университеты время от времени нуждаются в обновлении в связи с необходимостью приведения их в соответствие с требованиями времени, но никогда ранее университет не выступал в качестве места для

формирования индивидуального субъекта. Это было иное решение проблемы единства, изначально присутствующее в «идее университета», разрабатываемое в то время, когда в связи с возникновением новых наций начали появляться свои, национально окрашенные модели университетского образования [12].

Так, предшественник и современник Ньюмена, автор немецкой модели университета Вильгельм Гумбольдт представлял единство как преемственность наук на основе рационализма [11]. Рационализм, по убеждениям сторонников данной модели, преподаанный в должное время, должен открывать доступ ко всем наукам и любым знаниям, благодаря чему возникает возможность качественного приращения знаний от поколения к поколению. В этом суть концепции социального и культурного развития, олицетворяемая германским университетом. Ньюмен предложил иное решение проблемы единства – на основе формирования либеральной личности джентльмена.

Средневековый университет, как известно, представлял собой корпоративную организацию, подобную гильдии, где общность занятий, изучения знания и поиск истины выступали достаточным основанием для жизни общины. В условиях модернизма основой жизни университетской общины являлась модель социальных связей и отношений, которая существует в государстве. В проекте Ньюмена университет оказывался средством выхода из круга застойной отсталости и медлительности как государственной жизни, так и духовного роста церкви.

В 1851 г., через пять лет после перехода в католичество, Ньюмен получает приглашение возглавить новый католический университет в Дублине, который формально был создан с целью укрепления влияния Римской католической церкви в Ирландии и Англии. Фактически этот университет сыграл гораздо более важную роль, он стал центром развития самого современного в то время образования и науки [4].

Первым шагом нового ректора доктора Ньюмена была подготовка цикла публичных лекций о целях и задачах университетского образования. Эти лекции профессор Ньюмен прочитал перед просвещенными дублинскими горожанами – католиками. Из десяти составленных и опубликованных лекций Ньюмен в силу обстоятельств прочел весной 1852 г. публично только пять. Затем 10 лекций составили 10 разделов, или глав, вышедшей в 1855 г. отдельным изданием

книги Ньюмена «Рассуждения о целях и природе университетского образования», получившей в дальнейшем всемирную известность под названием «Идея университета». Работа выдержала ряд прижизненных изданий с многочисленными авторскими изменениями. «Идея университета» выступила практически первым в истории мировой культуры специализированным изложением системы взглядов на роль университетов в обществе, их гуманитарную и культурную миссию. Однако эта работа – не единственное произведение Ньюмена на данную тему. Свою концепцию идеального университета он продолжал излагать на страницах периодического издания «Католик Юниверсити Газетт» в течение 1854 г. Напечатанные в этой газете статьи в 1856 г. были выпущены отдельным изданием под названием «Функции и деятельность университета». Это издание также получило известность под другим названием – «Возвышение и прогресс университета».

«Если бы меня попросили разъяснить, насколько это возможно кратко и популярно, что такое университет, – писал Ньюмен в статье «Что такое университет?», – я бы вывел свой ответ из его древнего наименования – «*stadium generale*» или «школа универсального обучения». Задача такой «школы» заключается в сведении «в одном месте» множества людей со всех частей страны с целью обеспечения «свободной» циркуляции мысли «посредством личного общения» [12]. Университет, по Ньюмену, должен стать местом активного качественного общения людей. Он должен быть подобен светскому обществу, которое является прообразом университета, воспитывая джентльменов посредством демонстрации и повторения хороших манер, привычек и норм поведения. Примером своеобразного университета Ньюмен считал крупные столичные города-метрополии, которые неизбежно принимают на себя функции университета, создавая «атмосферу интеллекта» через деятельность библиотек, музеев, академий, различных научных обществ, органов печати и т.п.

Университет, по мнению мыслителя, является местом универсального обучения. Диапазон изучаемых дисциплин, следовательно, не должен быть ограничен каким-либо определенным кругом, а должен включать в себя как можно больше различных предметов. Ньюмен считал, что студенты не могут, конечно, заниматься всеми без исключения дисциплинами, но он и не видит в этом необходимости, поскольку главная цель университета – не сообщить какую-нибудь конкретную информацию, а дать студенту возможность с головой

окунуться в мир науки, научиться спорить и уважать оппонентов, советоваться с ними и помогать друг другу. Все это способствует созданию «интеллектуального мира», «чистой и ясной атмосферы мысли, которой дышит студент, хотя в своем случае он изучает лишь несколько наук из множества» [12].

Цель университета – воспитание, а не простая передача знаний. Воспитывать в университете можно, только опираясь на принципы либерального, т.е. свободного образования, целью которого является формирование у студента «философской привычки ума», отличительными чертами которой будут «свобода, спокойствие, уверенность и мудрость». Эта привычка должна сохраниться затем на всю жизнь. В отличие от других учебных заведений университет должен не обучать, а «образовывать» своих студентов, потому что по сравнению с «обучением» «образование» есть более высокое понятие, обозначающее не просто обучение каким-либо ремеслам или искусствам, а воздействие «на нашу умственную природу, на складывание характера». «Университет является очагом мудрости, светочем вселенной, проповедником веры, Альма Матер возвышающего поколения», – с пафосом заявлял Ньюмен [12].

Называя главной задачей университета не сохранение и передачу имеющихся в обществе знаний, а «воспитание интеллекта», ректор Дублинского университета профессор Ньюмен объяснял, что тяга к знаниям неистребима в человеке и что в силу этой внутренне присущей человеку привычки невозможно и вредно будет лишить человечество «живого знания» и поэтому «знание может быть самоцелью». Заимствуя эту мысль у Цицерона, Ньюмен не приемлет абстрактное и антиобщественное истолкование характера такого стремления к знаниям: «Идея принесения пользы обществу посредством развития науки и знания вообще не входила в мотивы, которыми он (Цицерон) определял их культивирование» [12]. Согласно Ньюмену, знание имеет право на существование только тогда, когда оно приносит пользу людям. Пользу в знаниях он видел двоякую. Во-первых, это практическая польза «механических искусств, без которых не могла бы существовать социальная жизнь». При этом Ньюмен утверждал и отстаивал тезис о том, что знание становится силой, лишь будучи «полезным». Ньюмен был убежден, что жизнь была бы невозможной без развития науки и практического использования ее достижений. Во-вторых, существует «чистое» знание, не дающее практической пользы, но «являющееся по своей сути сокровищем и достаточным

воздаянием за годы работы». Такое знание он называл «либеральным», свободным от сиюминутной выгоды, или «философским», и считал, что оно может быть передано человеку только посредством воспитывающего обучения.

Вступая в спор со сторонниками утилитарного образования, английский гуманист критикует прежде всего «основателя утилитаристского понимания образования» Джона Локка (1632–1704), который настаивал на обучении молодежи полезным для дальнейшей жизни знаниям, а не стихотворчеству, классической литературе или латыни. «Ничто, конечно, не может быть более абсурдным, чем пренебрежение в образовании теми вещами, которые необходимы юноше для будущей деятельности, – пишет Ньюмен в «Идее университета», – но тон замечаний Локка осуждает любое обучение, стремящееся к общему воспитанию ума». С точки зрения Джона Ньюмена, это антигуманно. Локк и его последователи настаивали на включении в программы университетов только тех дисциплин, которые соответствовали бы «принципу полезности», т.е. давали бы конкретные познания в какой-либо из современных наук. Отстаивая свою точку зрения, Ньюмен развивает доказательство исключительной полезности либерального, свободного образования, получение которого сделает человека выше и чище: «То, что они (утилитаристы) имеют в виду под словом «полезный», есть как раз то, что я подразумеваю, говоря «хороший» или «либеральный» <...> «Хороший» в действительности означает одно, а «полезный» другое: но я беру за принцип, который избавит нас от множества проблем, что если полезное не всегда является хорошим, то хорошее всегда полезно. И я говорю теперь, что если либеральное образование является хорошим, то оно обязательно должно быть также и полезным» [12].

Ньюмен выступал против «интеллектуального расширения» в университетах, т.е. против того, чтобы сделать главной целью обучения простое приращение знаний. Такое обучение не может быть названо «философским», потому что оно не может дать человеку ни «моделей суждения», ни отправных точек для правильной ориентации мыслительной деятельности. В конечном счете университет должен заниматься интеллектуальным развитием студентов, чтобы научить их возможностям и методам делать правильные суждения о сути явлений и постоянно стремиться к поиску истины. Эта мысль многократно повторяется на страницах «Идеи университета». «Истина всякого рода есть надлежащий объект интеллекта: это значит,

что его воспитание заключается в том, чтобы сделать его способным оценивать и созерцать истину», – утверждает ученый в одной из глав своей работы [12]. Согласно Ньюмену, в совершенствовании интеллекта заинтересованы не только студенты, но и общество, по отношению к которому выпускники будут впоследствии выполнять свои обязанности. Поэтому «либеральное образование» является для университета единственно возможным: «Процесс подготовки, при котором интеллект вместо того, чтобы оказаться принесенным в жертву какой-либо частной или случайной цели, какому-нибудь специальному ремеслу или профессии, исследованию, науке, тренируется ради себя самого, ради самовосприятия и ради собственной высшей культуры, называется либеральным образованием...», – резюмирует свое понимание проблем Джон Ньюмен [12].

Таким образом, прогрессивный английский мыслитель считал, что университет должен заниматься подготовкой джентльменов-интеллектуалов. Ньюмен не отвергал необходимости профессионального обучения или проведения научных исследований. Он разработал теоретическую модель университета, его идею, идеал – и в силу этого узкому профессионализму не находил места в стенах своего университета и считал, что человека профессии можно было готовить хоть где, только не в университете.

Свой идеальный университет Джон Ньюмен в конечном счете стремился превратить в источник и механизм социальных перемен, движения человека к лучшему будущему. Одна из университетских функций заключалась, по мнению его ректора, ученого, философа, проповедника, в том, что инициаторами и проводниками этих перемен станут в первую очередь высокообразованные и высококультурные люди, т.е. выпускники университета. Именно поэтому широко мыслящий прогрессивный ректор считал, что университет и его выпускники должны получить в обществе особый привилегированный статус. Ввиду высокой стоимости обучения университеты становятся доступными только для выходцев из наиболее обеспеченных слоев населения. Джон Ньюмен мечтал с помощью стипендий способствовать развитию талантов юношей из нижних классов общества. Таким образом, Ньюмен надеялся исправить социальную несправедливость и обеспечить развитие интеллектуальных возможностей тех, кто потенциально мог ими обладать, но не обладал достаточно высоким социальным статусом и экономическим обеспечением.

5.2. АЛЕКСАНДР ГУМБОЛЬДТ: НОВАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ УНИВЕРСИТЕТА

В конце XVII и в XVIII в. происходит проникновение в университеты Германии новой философии, науки, рождаются светские формы образования, изменяются идеалы образованности. XVIII век – век Просвещения – даже в феодальной Германии ознаменовался открытием ряда новых университетов: в Галле (1694), в Геттингене (1737), в Эрлангене (1743). В университетах формируются новые принципы образования, научные методы, изменяется содержание образования. В некоторых из них профессора начинают заниматься самостоятельными научными исследованиями и приучать к таковым студентов. Даже на богословский факультет проникают методы критических исследований различных текстов, ранее совершенно не допустимые. Особенно радикально изменяются содержание и методы обучения на некоторых философских факультетах. Исключительно благотворную миссию в этом направлении выполнил Христиан Вольф (1679–1754) – немецкий философ, рационалист, последователь Лейбница, профессор в Университетах Галле и Марбурга. Х. Вольф осуществил обширные и разносторонние разработки многих областей философии, убедительно показал, что наука должна заниматься не простой констатацией фактов, но исследованием взаимосвязей, причин, оснований и следствий. Он был автором новых учебных пособий, которые существенно изменили подход и представление об образовательном знании как о знании основных фундаментальных принципов и законах природы, методов научного познания. Школа Христиана Вольфа стала той базой, на которой строились новая методология и методика университетского образовательного процесса.

Но в большинстве немецких университетов к концу XVIII в. наметился резкий крен в сторону подготовки чиновников – как светских, так и церковных. Да и сами профессора стали государственными служащими. За выслугу лет они получали чины надворных, статских и тайных советников; от их ранга зависело их материальное благосостояние и престиж в обществе. Это трудно было совместить с увлеченным и бескорыстным занятием наукой, кропотливой работой со студентами. Профессора немецких университетов упорно противились каким-либо реформам в образовании.

Исторические потрясения начала XIX в. (походы Наполеона) сказались на проблемах образования в Германии самым непосред-

ственным образом. В самосознании германских народов и в европейском сознании монархия Фридриха Великого имела устойчивый образ просвещенного и сильного государства. Просвещение и религиозный культ государя слились и самоотождествились с национальным сознанием. И по всему этому Наполеоном был нанесен сокрушительный удар. Страна была разрушена, экономически серьезно ослаблена, фактически разорена. Это сопровождалось кризисом в мироощущении немцев.

Человеком, которому предстояло поднять научно-образовательный и общекультурный престиж Германии на новую высоту, стал Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835). Друг Гете и Шиллера, философ-гуманист, энциклопедически образованный человек и тонкий дипломат, языковед, создавший учение о культурной миссии языка как выражения индивидуального мирозерцания народа, Гумбольдт имел свое представление о способах возрождения Германии. В январе 1809 г. Гумбольдт получил от короля Пруссии приглашение занять должность директора департамента исповеданий и народного просвещения в министерстве внутренних дел. Просвещенный монарх понимал, что широта мышления ученого-эрудита, политическая культура и его опыт позволяют построить программу реформирования образования, соизмеримую с целями национальной культуры. Гумбольдт был убежден, что исходя из духа и средствами духа страна сможет вновь подняться. Благодаря знаниям в области человеческой истории, пониманию проблем, стоявших перед немецким обществом, Гумбольдт разработал концепцию и программу реформ среднего и высшего образования. Ученому, ставшему политиком, пришлось найти и представить убедительные доводы и принципы, которые смогли бы принять не только правительство, но и более влиятельные, широкие образованные круги современного ему общества. Новые принципы были сформулированы, как писал сам Гумбольдт, с опорой на дух протестантизма, идею самобытности, представления о нравственности и гуманистическую миссию образования. Итак, по мысли Гумбольдта, духовное возрождение государства оказалось связанным с идеей возрождения образования.

Философская основа теории, политики и практики радикальной реформы высшего образования, разработанная и предложенная правительству В. фон Гумбольдтом, заключалась в нескольких тезисах, выдвинутых крупнейшим европейским просветителем в 1792 г.

1. Человечество находится в настоящее время на таком уровне культуры, что может подняться выше только вследствие развития отдельных личностей, поэтому любые учреждения, служащие помехой развитию индивидуальности и «сгущающие людей в массы», теперь более вредны, чем когда-либо.

2. Настоящая цель человека – высшее развитие его сил. Для этого развития свобода есть первое и необходимое условие. Однако помимо свободы развитие человеческих сил требует и других условий, впрочем, тесно связанных со свободой, а именно – разнообразия положений. Даже самые свободные и независимые люди, поставленные в однообразные положения, не вполне развиваются.

3. Всякое ограничение вредно для обогащения и развертывания духовности человека, народа, общества, нации. За человеком, индивидом, личностью должно быть сохранено право свободного образования, по возможности не ограниченное никакими иными положениями (но лишь статусом гражданина).

4. Государство должно воздерживаться от всякой заботы о положительном благе граждан. Оно не может и не должно делать ни одного шага дальше, чем необходимо для их безопасности друг от друга и от внешних врагов. Ни для какой другой цели оно не должно стеснять их свободы. Действительность никогда не может созреть настолько, чтобы воспринять высшие и прекраснейшие плоды человеческого духа: идеал должен всегда жить в душе творца как недосягаемый образец [11].

5. В 1810 г. В. фон Гумбольдт в своей записке, адресованной правительству, писал, что «государство не должно относиться к университетам ни как к гимназиям, ни как к специальным школам. Оно вообще не должно ничего требовать от них непосредственно и прямо для себя, а должно проникнуться тем внутренним убеждением, что, достигая своих конечных целей, университеты тем самым отвечают и его – государства – конечным целям, и отвечают с высшей точки зрения, откуда открывается гораздо более широкий горизонт, причем в их расположении находятся такие рычаги и силы, какими не располагает само государство» [11].

Совсем иначе, чем с этими двумя университетами, относящимися к периоду позднего Средневековья, обстояли дела с двумя прусскими высшими школами, основанными в XIX столетии: Берлинский университет (1810), как и Боннский (1818), получил в свое распоряжение уже имеющиеся княжеские здания в центре города: в

Бонне это была резиденция бывшего архиепископа Кёльна (с превращением декоративного парка в Ботанический сад); в Берлине новый университет разместился в королевском дворце. Расположенный в правительственном секторе прусской столицы, он с самого начала имел не только городской, но и столичный характер. При этом для научного развития решающее значение имело наличие в городе специальных школ, библиотек, музеев и выставок, ботанических садов и Королевской Академии наук. По словам идейного вдохновителя этого реформированного университета, теолога и философа Фридриха Шлейермахера, между университетом и академией существовала «естественная связь», поскольку «университетские преподаватели постепенно избирались в академию», а большая часть академиков периодически все еще испытывала потребность преподавать. Но после быстрого расцвета нового университета его главного корпуса стало недостаточно; и исследовательские семинары (на которые приглашались от 6 до 12 участников) проходили (частично еще и в XX в.) на квартирах профессоров.

Не только здания коллегий и институтов, но и квартиры профессоров и студентов играли важную роль для развития университетских городов поменьше. В Тюбингене в начале XX столетия все больше профессоров строили собственные загородные дома вне старой части города (и предпочитали их «служебной» квартире в одном из построенных в XIX в. университетских институтов). Это дополнялось тем, что и студенческие корпорации также строили собственные дома (к концу 1920-х гг. их насчитывалось примерно три дюжины). Похожее развитие наблюдалось и в Марбурге. Половина всего коллектива профессоров проживала там в 1907 г. на 5 улицах, а 39 студенческих корпораций в 1914 г. имели в своем распоряжении более 18 собственных домов. Берлинскому университету, модель, принципы устройства и функционирования которого разработал лично Гумбольдт, в замысле реформ отводилась ведущая роль. С самого начала этот принципиально новый университет был предназначен стать центром науки, культуры и образования. Но, кроме того, он должен был стать еще и образцом для подражания, сравнения. Гумбольдт в первую очередь потребовал изменить профессуру. Его университет требовал не просто рассудочных способностей, памяти и благообразного respectable имиджа – но постоянного порыва, неординарных способностей, интенсивного труда, истинной увлеченности, постоянной неуверенности, что поиск увенчается успехом, и готов-

ности все начинать сначала. Это вызывало раздражение у тех, кто понимал или чувствовал угрозу своему теперешнему и будущему статусу. Поэтому Гумбольдт в фантастически короткие сроки должен был – и смог – реализовать основные начинания, сделавшие реформу образования необратимой, а славу университета, носящего сейчас его имя, неувядаемой.

В основу новой модели университета были положены три основных принципа. Первый принцип состоял в отрицании примитивно утилитарного воззрения на образование, когда знания ценят не ради самих знаний, а только ввиду их практической пользы. Вторым принципом – предостерегал от господства (приоритета) опытной (эмпирической) науки, ибо это стало бы противодействовать фундаментальному теоретическому познанию. Гумбольдт говорил, что «высокомерие опытного знания поведет к пренебрежению теми жизненными и научными мотивами, которые как конечные и глубочайшие обусловливают успех истинного познания природы». Гумбольдт учредил при департаменте народного просвещения научный комитет, куда действительными членами вошли ученые, известные в области исторических, филологических, математических и философских наук. Только эти знания, по убеждению Гумбольдта, позволяют на их основе получать все остальные знания, и никакая ученость без опоры на этот фундамент, «обращенная на отдельный предмет, не может превратиться в истинно интеллектуальное образование и стать плодотворною для ума» [11].

Третий принцип, согласно которому без гуманитарного образования не может быть образованной личности, утверждался Гумбольдтом постоянно. Без развитых нравственных интересов и убеждений научные знания вырождаются в презирающий все «духовный материализм» и «безыдейный элитаризм». Выражаясь современным языком, Гумбольдт предвидел и опасался технократизма как типа мышления и действия без контроля совести.

Берлинский университет был основан в 1810 г. Он послужил новым типом университета, в основу которого была положена новая идея: университет должен быть местом свободной научной работы.

О многом могут рассказать статуты Берлинского университета, полученные им от прусского короля Фридриха Вильгельма в 1816 г. Рассмотрим их подробнее. В «Отделе 1. Об университете вообще» в п. 1 говорится о цели университета следующее: «Берлинский университет имеет цель, общую с другими университетами в нашем

государстве; посредством лекций и др. академических упражнений продолжить общее и специально-научное образование надлежащим образом подготовленных юношей и сделать их способными к вступлению в различные отрасли высшей государственной и церковной службы». Пункт 3 гласит: «Университет состоит: 1) из совокупности преподавателей: ординарных и экстраординарных профессоров, приват-доцентов; 2) студентов и 3) чиновников». В п. 4 – «Высшее научное преподавание, составляющее собственно цель университета, распадается на четыре отдела: богословский, юридический, медицинский и философский».

Пункт 6: «Дабы блюсти права университета и общее течение его дел, управлять сими делами, иметь общий надзор и дисциплинарную власть над студентами, а также доносить о делах университета министерству и пр., находится в университете комиссия из ординарных профессоров. Она носит название «сенат», и во главе её стоит ректор».

В отделе 2 говорится о правах студентов, например, в п. 4 следующее: «В случае, если кто-либо из студентов потребует свидетельство до окончания им полного цикла, то факультет, где он числится, выдает ему таковое лишь относительно прослушанных факультетских предметов». Зачисление идет в университет, а не на факультеты. О студентах сказано, что в течение восьми дней после имматрикуляции, т.е. торжественного принятия в студенты (с пожатием руки студента ректором и вручении матрикулы – типа зачетной книжки), каждый студент обязан определиться с факультетом и занести себя в его списки. Далее речь идет о правах студента – право пребывания в Берлинском университете связано с освобождением его от личных гражданских обязанностей. У студента есть право посещать чтения, а также пользоваться учебными пособиями, библиотекой и пр. Однако, подчиняясь университетским законам, студент одновременно обязан подчиняться и государственным законам. Перечислены все возможные взыскания: частный выговор от ректора, публичный в собрании сената, заключение в карцер, угроза исключения и само исключение. Любопытны последствия, например п. 15: «Подвергшийся осуждению окончательно теряет право академического гражданства и сенат уполномочен требовать удаления его из города, если пребывание в нем не обусловлено семейными отношениями» [11].

С самого начала подбор преподавательского состава шел по единственному критерию: выдающийся ученый. Начало было по-

ложено личностью первого же выборного ректора – крупнейшего философа Иоганна Готлиба Фихте (1762–1814), выдающегося авторитета не только в области философии, но и в основах естественного права. Его идея о том, что наличие множества свободных индивидов служит условием развития самого «я» как разумного свободного существа, позволяла реализовать и ускорить демократические основы внутренней жизни университета. Весь цвет тогдашней науки был представлен в Берлинском университете. Здесь работали выдающиеся профессионалы, посвятившие всю жизнь определенной области науки. Согласно новой идеологии, профессор университета излагает отныне не незыблемые общепринятые истины, но результаты своих собственных исследований.

Цель преподавания состоит в том, чтобы научить слушателя самостоятельно мыслить, познакомить его с основными принципами научного исследования.

Конечно, такие факультеты, как юридический, медицинский, богословский, это специальные высшие школы: они готовят врачей, судей, священников, а не ученых. Эти профессии требуют точных знаний, многое необходимо просто заучивать наизусть. Гумбольдт настойчиво выступал против дифференциации науки и высшего образования. В своей речи при вступлении в должность он специально заострил на этом внимание: «Говорить, что университеты предназначены для преподавания и распространения науки, а академия для ее развития – значит, совершать явную несправедливость по отношению к первым. Науки в университетах развиваются не меньше, чем в академиях, и профессора достигают успехов именно преподавательской деятельностью в своей специальности. Свободное устное общение со слушателями, среди которых всегда имеется значительное число хороших голов, действует в любом случае не менее живо, чем одинокая пустыня писательской жизни, соединяющая академическое общество» [11].

В Берлинском университете стали складываться совершенно новые отношения между преподавателями и студентами: отношения не ученичества, а сотрудничества.

Принципиально новое значение в Берлинском университете было придано философскому факультету. Прежде, на первом этапе развития средневековых университетов, его цель была в том, чтобы дать общенаучную подготовку к получению специально-прикладных знаний на трех других, так называемых главных, фа-

культетах: богословском, юридическом и медицинском (т.е. его роль была пропедевтическая, вводная, подготовительная). Теперь же он стал факультетом, который готовил к преподаванию в высших школах (раньше это делали священники). Философский факультет в Берлинском университете начал выполнять триединую задачу: общенаучную подготовку для студентов других факультетов; развитие научного исследования, подготовку ученых-специалистов и научную подготовку преподавателей для средних учебных заведений.

Известный историк европейских университетов Ф. Паульсен пишет, «... что в то время, как Франция превратила свои университеты в специальные школы, Германия создала из своих университетов носителей самостоятельной научной жизни в полной уверенности, что свободное служение науке не только противоречит государственным интересам, но неразрывным образом связано с ними» [27].

Итак, подведем итоги той миссии, которую выполнили в результате реформы образования начала XIX в. немецкие университеты. Университеты стали одновременно местом и для научного исследования, и учреждениями высшего научного преподавания; демократическое устройство всего учебного и научного процесса (вместо жестких обязательных правил – принцип свободного исследования и свободного учения) сделало университеты «инкубаторами» для взращивания новых научных талантов; систематические лекции вытеснили старую форму толкования канонических текстов, место диспутов заняли университетские семинары. На место схоластической философии пришла новая рационалистическая философия, не признающая авторитетов и все подвергающая критическому анализу, в ее основе лежали математика и естествознание. Чрезвычайно значимым была замена языка преподавания – господствовавшая в течение нескольких столетий латынь была заменена немецким языком. Это существенным образом повлияло на усиление роли университета в формировании национальной идентичности, национальной культуры и национального образования. Большое внимание в новом университете было уделено изучению языков. Гумбольдт писал, что «... только на языке оригинала можно услышать то индивидуальное, что присуще нации <...> именно то, что можно услышать голос самой нации, я считаю наивысшей и, может быть, единственной пользой и смыслом изучения языков» [11].

Именно благодаря революции в образовании, разработанной и начатой Гумбольдтом и поддержанной правительством и королем

к середине XIX в., Германия заняла господствующее положение в научном мире. Большое число университетов (около 20), вновь созданных высших технических школ, бесчисленное множество газет и справочников привели к тому, что немецкий язык стал преобладающим международным языком в науке, как когда-то латынь, а ныне – английский. Немецкие профессора, по выражению Джона Бернала [3], установили своего рода научную империю, охватывающую всю Северную, Центральную и Восточную Европу и оказавшую серьезное влияние на науки в России, США и Японии. Более чем на целое столетие немецкий профессор становится образцом для всех ученых мира.

Таким образом, можно отметить, что созданы две основные модели университета: немецкая и французская. Немецкая модель основана на замыслах Вильгельма Гумбольдта и Фридриха Шлейермахера; университет поддерживает академические свободы, лаборатории и устраивает семинары. Во французских университетах господствует жёсткий порядок, администрация направляет все стороны деятельности. До XIX в. в европейских университетах религия составляла важнейшую часть занятий, но в течение XIX в. её роль постепенно уменьшалась. Университеты сосредоточились на научных исследованиях, и немецкая модель, лучше приспособленная к занятиям наукой, со временем получила большее распространение по всему свету, чем французская. Одновременно высшее образование становилось всё более доступным широким слоям населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Человечество в процессе своей жизнедеятельности не однажды переживало и переживает громадные социокультурные трансформации. Необычайное развитие технологий последних лет привело к тому, что интеллектуальные силы общества стали играть доминирующую роль в его жизнеобеспечении, самоопределении, формировании самосознания, самоутверждении. Особенно остро эти проблемы встают в эпоху глобализации, когда человеческий разум должен, с одной стороны, служить на благо всему человечеству, а с другой – перед ним стоит задача не поддаваться соблазну и укреплять теснейшие связи с родной почвой, корнями, его взрастившими.

Основную роль здесь играет цивилизационная общность великих просветительских и культурных ареалов. Университет – своеобразный цивилизационный феномен. Для того чтобы система просвещения работала, необходимо не только функционирование всех учреждений (школа – университет), но и создание просвещенческого типа восприятия, просвещенского пространства. Университеты способствуют цивилизационной идентичности человечества. В современных условиях наиважнейшая задача общества, отмечает философ Э. Тоффлер [37], не контроль над последними днями индустриального общества, а то, кто формирует новую цивилизацию. Со времен Средневековья и в настоящее время университет по своей сути выполняет свои основные предназначения. Это прежде всего выработка, сохранение и передача знаний, идей, культурных традиций, подготовка интеллектуальной элиты общества, создание на этой основе научных школ, что и обеспечивает движение прогресса. Развитие науки – главнейший приоритет университетов. Роль университетов в инновационном развитии и экономике неопределима. Социокультурная миссия университетов также чрезвычайно важна – они формируют нового индивидуума, общество в целом, другую цивилизацию. Отношения между университетом и средой, в которой он существует, характеризуется формированием новой реальности между запросами этой среды и способностью института отвечать за них. Университеты должны давать более адекватный ответ на изменения, происходящие во внешних мирах – в правительстве, бизнесе и общественной жизни. При этом фокусом развития университета должны оставаться как внешние факторы, так и изменения, проис-

ходящее в областях знания самого университетского мира. Необходимо гибко и избирательно отвечать на новые вызовы времени.

Залог развития университетов – это активный поиск средств, позволяющих им стать компетентными социальными институтами. Университеты изменяют свой характер, меняя определенные формы работы. Современный университет становится «ответственным университетом», заботящимся об экономическом и культурном развитии своего региона и о сотрудничестве с другими образовательными учреждениями. Университеты вопреки всем изменениям и преобразованиям сохранили свою основную структуру и социальное назначение – разрабатывать и транслировать научные сведения и методы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. – М., 1996. – 447 с.
2. Арон Гуревич. Избранные труды. Средневековый мир. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2007. – 560 с.
3. Бернал Дж. Наука в истории общества. – М., 1956. – 743 с.
4. Бродель Ф. Материальная цивилизация. Экономика и капитализм. Т.1. Структура повседневности. – М., 1986. – 624 с.
5. Гайденок В.П., Смирнов Г.А. Западноевропейская наука в средние века. – М., 1989. – 314 с.
6. Городская жизнь в средневековой Европе. – М., 1987. – 278 с.
7. Городская культура. Средневековье и начало нового времени / под ред. В.И. Рутенбурга. – Л., 1986. – 656 с.
8. Грановский Т.Н. Лекции по истории Средневековья. – М., 1988. – 432 с.
9. Гуманистическая мысль, школа и педагогика эпохи позднего Средневековья и начала Нового времени. – М., 1990. – 304 с.
10. Гумбольдт В. Опыт установления пределов государственной деятельности. – СПб., 1908. – 400 с.
11. Гуревич А.Я. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. – М., 1990. – 240 с.
12. Джон Г. Ньюмен. Идея Университета. – Минск: БГУ, 2006. – 208 с.
13. Джурицкий А.Н. История педагогики. – М., 2011. – 686 с.
14. Добиаш-Рождественская О.А. Культура западноевропейского средневековья. М., 1987. – 432 с.
15. Документы по истории университетов Европы XII–XV вв. Воронеж, 1973. – 357 с.
16. Дьюи Дж. Общество и его проблемы. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 376 с.
17. Загер Петер. Оксфорд и Кембридж. Непреходящая история. – М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2012. – 640 с.
18. Захаров И.В., Ляхович Е.С. Миссия университета в европейской культуре. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1994. – 240 с.
19. Захаров И.В., Ляхович Е.С. Джон Ньюмен и его модель идеального университета // *Alma Mater*. – 1993. – № 1. – С. 36–44.
20. Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 240 с.

21. Латышина Д.И. История педагогики. Воспитание и образование в России (X – начало XX в.). – М., 1998. – 584 с.
22. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992. – 376 с.
23. Мишел Л. Идея университета // *Alma Mater*. – 1992. – № 9.
24. Мортон Генри В. От Милана до Рима. Прогулки по Северной Италии. – М.: Эксмо, 2011. – 736 с.
25. Неретина С.С. К истории средневековой философии. – Архангельск: Изд-во Поморского междунар. пед. ун-та им. М.В. Ломоносова, 2011. – 368 с.
26. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. – М., 2010. – 144 с.
27. Паульсен Ф. Исторический очерк развития образования в Германии. – М., 1908. – 364 с.
28. Пискунов А.И., Кларин В.М., Плохова М.Г и др. История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX века. – М., 2006. – 327 с.
29. Платон. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1968. – 624 с.
30. Послушник и школяр, наставник и магистр. Средневековая педагогика в лицах и текстах: учеб. пособие / сост. и отв. ред. В.Г. Безрогов.; под общ. ред. Т.Н. Матулис. – М.: Изд-во РОУ, 1996. – 784 с.
31. Проблемы итальянской истории: сб. статей. Институт всеобщей истории. – М., 1975. – 260 с.
32. Рабинович В.Л. Исповедь книгочехя, который учил букве, а укреплял дух. – М.: Книга 1991. – 495 с.
33. Ренан Ж.Э. Будущее науки. – М: Либроком, 2009. – 368 с.
34. Рутенбург В.И. Итальянский город от раннего Средневековья до Возрождения. – М.: Наука, 1987. – 176 с.
35. Сенека Л. Нравственные письма к Луцилию. – М.: Наука, 1977. – 384 с.
36. Суворов Н.С. Средневековые университеты. – М.: Либроком, 2012. – 256 с.
37. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. – М.: АСТ, 2007. – 576 с.
38. Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 416 с.
39. Эйкен Г. История и система средневекового миросозерцания. – СПб., 1907. – 236 с.

40. Christopher Brooke(ed.), History of the University of Cambridge. – Cambridge: CUP, 2004.
41. Durkheim E. The Role of Universities in the Social Education of the Country // Minerva, London, 1976. Vol. XIV. № 3.
42. Elisabeth Leedham – Green, A Concise History of the University of Cambridge. – Cambridge: CUP, 1996
43. Rita McWilliams Tullberg, Women at Cambridge, Cambridge and New York: CUP, 1998.
44. Ted Tapper and Brian Salter, Oxford, Cambridge and the Changing idea of the University. – Buckingham: Open University Press, 1992.
45. Wolff R.P. The Ideal of the University. – Beacon Press, Boston, 1977.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Приводимые документы характеризуют отношение к университетам светских властей, принципы взаимоотношений студентов и преподавателей и жизни студентов и профессоров в студенческих и преподавательских объединениях, а также методы и формы обучения.

ГРАМОТА ФРИДРИХА БАРБАРОССЫ УЧЕНИКАМ И УЧИТЕЛЯМ БОЛОНСКИХ ШКОЛ (1158)

Имея постоянное попечение о всех учениках, которые путешествуют ради получения знаний, и особенно заботясь о профессорах божественного и священного права, мы, руководствуясь нашим благочестием, даруем им милость. Чтобы как сами они, так и их посланцы в полной безопасности путешествовали к местам, в которых они совершенствуются в науках, спокойно там обитали.

Так как мы полагаем, что добрые деяния заслуживают нашего одобрения и покровительства, мы с особой любовью будем защищать всех тех, чьей ученостью украшается мир, чьими усилиями жизнь наших подданных направляется к почитанию Бога и нас, его слуг.

И кто не испытает к ним сострадания, если из любви к науке они становятся изгнанниками, изнуряют себя, сменив богатство на бедность, подвергают свою жизнь всем опасностям и, что особенно обидно, от ничтожнейших людей часто терпят без всякой причины телесный ущерб. Итак, мы постановили этим общим законом, который должен иметь силу на вечные времена, чтобы никто не осмеливался задерживать школяров с целью нанесения им убытка из-за долга другого лица из той же провинции, что, как мы слышали, иногда случалось из-за дурного обычая. Те люди, которые будут знать о нарушителях этого священного закона и не заявят об этом своевременно местным властям, должны быть приговорены специальным решением к уплате четырехкратного штрафа. И пусть на вечные времена они будут лишены чести и на них ляжет клеймо позора.

Если же кто-либо пожелает возбудить иск по какому-либо делу, разбирательство должно происходить по свободному выбору школя-

ра либо в присутствии его господина и учителя, либо у самого епископа города, которым мы даруем в этом случае юрисдикцию. Если же кто-либо попытается привлечь их к суду другого судьи, такой суд объявляется недействительным, даже если разбирательство происходило по всем правилам.

Пер. с лат. Г.И. Липатниковой [15]

ЛЕКЦИИ ОДОФЕРДА

**(юрист и популярный болонский преподаватель начала XIII в.)
ПО РИМСКОМУ ПРАВУ**

С вашего разрешения начинаю старые Дигесты на восьмой день после праздника св. Михаила и по воле провидения полностью закончу их... к середине августа или около того времени. «Кодекс» я всегда буду начинать через две недели после праздника св. Михаила и заканчивать по воле провидения приблизительно в начале августа. Итак, под моим водительством все ученики, включая новичков и самых неумелых студентов, будут в состоянии сделать добрые успехи, потому что они будут слушать весь текст целиком, без каких-либо пропусков, как это иногда делалось в этой области и даже поистине стало обычаем. Итак, я предполагаю обучать как неумелых школяров и новичков, так и успевающих студентов. Неумелые смогут сделать достаточные успехи в изучении судебных случаев, системы доказательств и толковании текстов, а способные приобретут великое умение в постижении тонкостей и разрешении противоречий..

Ведь цель моя в том, чтобы обучать вас честно и в доброй манере и в том порядке, который обычно соблюдался древними и новыми докторами и особенно моим учителем, чей метод я помню и сохраняю.

Итак, во-первых, прежде чем перейти к текстам, я дам вам краткое изложение названия каждой главы. Во-вторых, я излагаю вам хорошо и отчетливо, как только смогу, содержание каждого закона. В-третьих, я зачитываю текст, чтобы сделать к нему замечания. В-четвертых, я вновь кратко разъясняю его смысл. В-пятых, я разъясняю противоречия в содержании, прибавляя общие замечания, и излагаю тонкие и полезные особенности законов и вопросов с объяснениями, если провидение сподобит меня. И если какой-нибудь из законов заслуживает дополнительных объяснений по причине своей известности или трудности, я это сделаю в послеобеденное время.

Пер. с лат. Г.И. Липатниковой [15]

ПОРЯДОК ДИСПУТОВ В СОРБОННЕ

В год Господа нашего 1344, в 14-й день ноября, магистр Пьер де Крозо, магистр теологии, избранный и утвержденный епископ Санли и главный инспектор коллегии Сорбонны в Париже, полагая, что будет весьма полезно для будущего, если члены упомянутого дома будут заняты полезными упражнениями в диспутах и беседах, пригласив с общего согласия всех членов Сорбонны в большой зал, назначил по обычаю четырех представителей, по одному от каждой «нации», для того чтобы решить, как следует с пользой для участников и честью для этого дома проводить упомянутые диспуты. Эти представители «наций», с пользой прислушавшись к совету многих, постановили:

Первое. Для упорядочения диспутов... следует избрать одного из членов, который будет называться магистром студентов ... Он должен позаботиться о вопросах на весь следующий год... Он должен прилежно выбрать самые важные и полезные теологические вопросы согласно тексту «Сентенций» по порядку и последовательно из всей книги, без последующих добавлений и так чтобы вопросы одного года не совпадали с вопросами прошлого или последующего годов.

Второе. Если магистр студентов увидит, что диспутанты плохо понимают друг друга, он должен привести их к взаимопониманию. Если он увидит, что диспутанты спорят не ради установления истины, а из тщеславия, он должен водворить молчание. Если кто-либо не повинуется магистру даже после третьего предупреждения, выраженного словами: «Я налагаю на Вас молчание», этот участник должен поставить две кварты вина в конце диспута для всех тех, кто присутствует к моменту его окончания. И магистр студентов должен понуждать его к этому.

Третье. Если случится, что тот, кто должен отвечать на диспуте, по какой-либо причине отсутствует, магистр студентов должен занять его место... или найти ему достойную замену.

Диспут проходит так, что оппонент выдвигает главную аргументацию и приводит возражения для того, чтобы другие имели возможность выступить. И он выдвигает не более восьми положений, а каждый из выступающих должен выдвинуть три. И никто не должен приводить сдвоенных аргументов, произвольно разделенных или объединенных, или ведущих к невозможности доказательства. Никто не должен также объединять множество аргументов в один. Отвечающий может выставить только три заключения. Каждое из них

может подкрепляться чьим-либо авторитетом и разумным доводом, если отвечающий сможет это сделать. Если же не сможет, то либо авторитетом, либо разумным доводом без заключений.

Далее они постановили, что сразу же после выступления главного оппонента берет слово магистр студентов, затем... магистры теологии, если они пожелают, затем бакалавры, после них курсоры в том порядке, в котором они достигли степени. Кто закончил читать «Сентенции» первым, должен и выступить первым, и тот, кто прочитал дважды, выступает перед тем, кто прочитал один раз. И тот, кто раньше кончил курс или курсы, выступает перед тем, кто закончил позже. Потом могут выступать и другие члены коллегии в той последовательности, в какой они поступали в коллегия. А если по разрешению магистра студентов здесь случится присутствовать посторонним лицам, если это люди хорошей репутации и не столь многочисленны, чтобы помешать течению диспута, то, если они пожелают, могут выступить. И им разрешается это делать согласно своему званию.

Этим постановлением мы не хотим нанести ущерб другим статутам и обычаям, в которых содержатся предостережения или подразумевается, что между членами коллегии должно быть полное равенство, так как в этом доме все являются товарищами и соучениками...

Пер. с лат. Г.И. Липатниковой [15]

ИЗ СТАТУТОВ ПРАЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV в.

...В нашем Пражском университете должен впредь нерушимо соблюдаться описанный ниже порядок при составлении списков в советах, процессиях, представлениях и прочих актах как публичных, так и частных. Ректор, который будет избран, занимает первое место, затем – магистры теологии, доктора канонического права, за ними – доктора гражданского права, магистры медицины, затем декан факультета искусств, затем лиценциаты теологии, канонического права, гражданского права и медицины, затем бакалавры *formati* теологии, которые в процессиях шествуют в беретах, а если будет особое распоряжение, то и в мантиях, а затем магистры искусств по старшинству; затем курсоры теологии, если они одновременно и магистры искусств, следуют один за другим по старшинству своего

магистерства; если же они не имеют магистерской степени, то занимают места между магистрами искусств в зависимости от времени, когда они получили степень бакалавра.

Далее за ними следуют лиценциаты искусств, бакалавры других факультетов, согласно порядку, принятому на факультете. И пусть впредь никто не входит в совет университета, если он не является магистром или доктором одного из факультетов.

Пер. с лат. Г.И. Липатниковой [15]

ИЗ СТАТУТОВ ГЕРМАНСКОЙ «НАЦИИ» БОЛОНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1497 г.

Мы устанавливаем и повелеваем, чтобы все студенты канонического и гражданского права, которые происходят из германского народа, то есть все те, кто имеет своим родным языком немецкий язык, где бы они ни жили и какого бы положения не были... приписывались и считались приписанными к германской «нации»...

Но поскольку богемцы, моравяне, литовцы и датчане с давних пор принимались к нам, мы допускаем и приписываем их к нашей «нации»...

Пер. с лат. Г.И. Липатниковой [15]

ОСНОВАНИЕ КРАКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА УЧРЕДИТЕЛЬНАЯ ГРАМОТА ПОЛЬСКОГО КОРОЛЯ КАЗИМИРА III 1364 г.

Мы, Казимир, милостью Божией король Польши... пламенно желая, как и повелевает наш долг, чтобы получало распространение все то, что служит пользе и общему процветанию людей, постоянно изыскивая средства к добру и не сомневаясь, что это принесет пользу клирикам и подданным нашего королевства, порешили, чтобы в нашем городе Кракове было названо, избрано, установлено и определено место, где будет процветать *studium generale* в составе одобренных факультетов. И настоящим мы выражаем желание, чтобы так было с этого времени на вечные времена. И пусть в этом месте будет находиться жемчужина могущественной учености, чтобы учить людей зрелости в их суждениях, облекать их в роскошные одежды добродетели и направлять к процветанию в различных областях знания...

И пусть свободно и без опасений съезжаются в этот город Краков не только жители нашего королевства и окружающих земель, но и все другие с разных частей света, кто желает приобрести эту преславную жемчужину знаний.

Далее, с этого времени мы учреждаем школы, в которых будут изучаться каноническое и гражданское право, медицинские науки и «свободные искусства».

Пер. с лат. Г.И. Липатниковой [15]

ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В БОЛОНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ПО СТАТУТАМ 1405 г.

Каждый студент может прекратить посещение занятий любого из докторов или репетиторов в течение пятнадцати дней, начиная с праздника св. Луки. Прежде окончания пятнадцати дней он не обязан и его нельзя заставить платить какое-либо вознаграждение за занятия, если только он не станет впоследствии посещать классы этого доктора либо репетитора.

Но когда истекут эти пятнадцать дней, доктора, репетиторы и другие магистры могут провести денежный сбор утром либо в полдень, невзирая на другие распоряжения, но так, чтобы заплативший студент в другое время не принуждался к вторичной уплате тем же доктором и за тот же предмет...

Так как часто случается, что студенты уходят от одного магистра к другому по причине возникшей вражды, приказано, что ни один доктор либо репетитор любого из факультетов не должен удерживать студента у себя на квартире и давать ему наставления или место в классе, если он не удовлетворил магистра или репетитора, у которого находился раньше, ибо за это он должен заплатить...

Так как многие из жадности, достаточно хорошо зная латынь, чтобы не платить магистрам, посещают классы репетиторов, пусть никто из репетиторов по грамматике, и никто другой не удерживает у себя в классах школяров, владеющих латинским языком, под страхом уплаты штрафа в размере 100 солидов за каждого, кого они удержат...

Поскольку работник заслуживает вознаграждения, было вынесено решение, что доктора, обучающие философии по книгам, названным ниже... принимают плату со своих студентов в таких размерах: «Метафизика» – 25 болонских солидов, «Физика» – 25 б. с,

«О душе» – 25 б. с, «О возникновении» – 10 б. с, «О небе» – 15 б. с....
«О животных» – 40 б. с. Если кто читает только «О происхождении животных» – 20 б. с, если «О частях животных» – 15 б. с, если «Об истории» – 10. Если кто-либо читает «Этику» – 20 б. с, если «Политику» – 20, если «Риторику» – 20, если по «Экономике» – 5 б. с.

Если читающий по упомянутым книгам или некоторым из них будет студентом или репетитором, он должен получить со своих слушателей половину вознаграждения.

Мы повелели, чтобы все доктора, которые читают лекции по медицинским предметам, взимали плату со студентов в таком размере, что с каждого за лекции и за место на скамье может быть получено 20 б. с., кроме случаев, когда студент пожелает сидеть на месте ректора или на первых скамьях. Тогда пусть заплатит флорин...

Пер. с лат. Г.И. Липатниковой [15]

ПОЭЗИЯ ВАГАНТОВ (странствующих школьников)

ПРОЩАНИЕ СО ШВАБИЕЙ

Во французской стороне,
На чужой планете,
Предстоит учиться мне
В университете.
До чего тоскую я –
Не сказать словами...
Плачьте ж, милые друзья,
Горькими слезами!
На прощание пожмем
Мы друг другу руки,
И покинет отчий дом
Мученик науки.
Вот стою, держу весло –
Через миг отчалою
Скорбью и печалью.
Тихо плещется вода,
Голубая лента...
Вспоминайте иногда
Вашего студента.
Много зим и много лет
Прожили мы вместе,
Сохранив святой обет
Верности и чести.
Слезы брызнули из глаз...
Как слезам не литься?
Стану я за всех за вас
Господу молиться,
Чтобы милостивый Бог
Силой высшей власти
Вас лелеял и берег
От любой напасти,
Как своих детей отец
Нежит и голубит,
Как пастух своих овец
Стережет и любит.
Ну, так будьте же всегда

Живы и здоровы!
Верю, день придет, когда
Свидимся мы снова.
Всех вас вместе соберу,
Если на чужбине
Я случайно не помру
От своей латыни,
Если не сведут с ума
Римляне и греки,
Сочинившие тома
Для библиотеки,
Если те профессора,
Что студентов учат,
Горемыку школяра
Насмерть не замучат,
Если насмерть не упыюсь
На хмельной пирушке,
Обязательно вернусь
К вам, друзья, подружки!
Вот и все! Прости – прощай,
Разлюбезный швабский край!
Захотел твой житель
Увидать науки свет!..
Здравствуй, университет,
Мудрости обитель!
Здравствуй, разума чертог!
Пусть вступлю на твой порог
С видом удрученным,
Но пройдет ученья срок, –
Стану сам ученым.
Мыслью сделаюсь крылат
В гордых этих стенах,
Чтоб открыть заветный клад
Знаний драгоценных!

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПЕСНЯ ШКОЛЯРОВ СВОЕМУ УЧИТЕЛЮ

Муж, в науках преуспевший,
безраздельно овладевший
высшей мудростью веков,
силой знания волшебной, –
восприми сей гимн хвалебный
от своих учеников!

Средь жрецов науки славных
нет тебе на свете равных,
наш возлюбленный декан!
Ты могуч и благороден,
сердцем чист, душой свободен,
гордой мыслью – великан!
Всех искусней в красноречье,
обрати свою к нам речь и
наш рассудок просвети!

Помоги благим советом
цели нам достичь на этом
нами избранном пути.

Снова близится полночный
час, как Девой непорочной
был Господень Сын рожден,
смерть и муку победивший,
в злобном мире утвердивший
милосердия закон.

Так пускай горит над всеми
свет, зажженный в Вифлееме,
под один скликаая кров
из мирского океана
многомудрого декана
и беспутных школяров!

ЛЮБОВЬ К ФИЛОЛОГИИ

О возлюбленной моей
День и ночь мечтаю, –
Всем красавицам её
Я предпочитаю
Лишь о ней одной пишу,
Лишь о ней читаю.
Никогда рассудок мой
С ней не растается;
Окрыленный ею дух
К небесам взовьется.
Филологией моя
Милая зовется.
Я взираю на нее
Восхищенным взором.
Грамматическим мы с ней
Заняты разбором.
И меж нами никогда
Места нет раздорам.
Смог я мудрости веков
С нею причаститься.
Дорога мне у нее
Каждая вещичка:
Суффикс, префикс ли, падеж,
Флексия, частица.
Молвит юноша: «Люблю!» –
Полон умиленья.
А для нас «любить» – глагол
Первого спряженья.
Ну а эти «я» и «ты» –
Два местоименья.
Можно песни сочинять
О прекрасной даме,
Можно прозой говорить
Или же стихами,
Но при этом надо быть
В дружбе с падежами!

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

КАРТА УНИВЕРСИТЕТОВ ЕВРОПЫ

Старейшие университеты Европы и годы их основания (XII–XV вв.)

ПРИЛОЖЕНИЕ 3
ФОТОГРАФИИ УНИВЕРСИТЕТОВ

Университет Берлина, Германия

Университет Кёльна, Германия

Университет Гейдельберга, Германия

Карлов университет, Прага, Чехия

Университет Глазго, Шотландия

Университет Сент-Эндрюс, Шотландия

Университет Эдинбурга, Шотландия

Университет Кембриджа, Англия

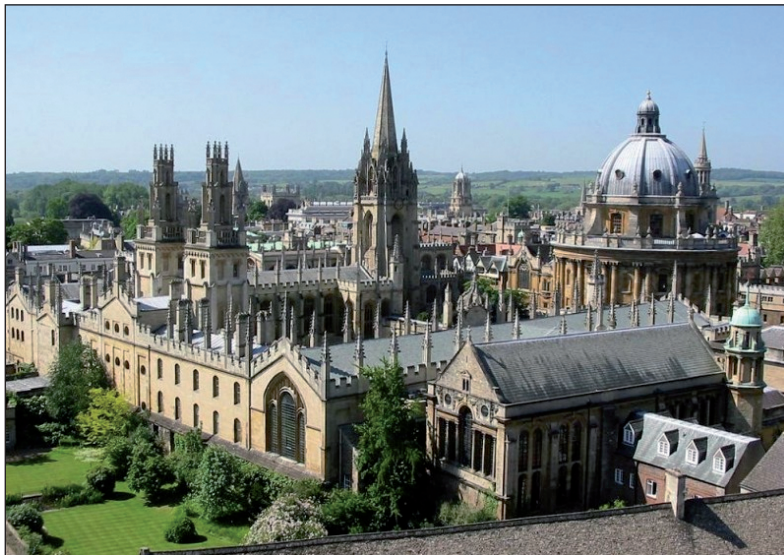

Университет Кембриджа, Англия

Университет Кембриджа, Англия

Университет Оксфорда, Англия

Университет Сиены, Италия

Университет Болоньи, Италия

Университет Перуджи, Италия

Университет Саламанки, Испания

Университет Саламанки, Испания

Университет Сорбонны, Франция

Университет Сорбонны, Франция

Университет Тринити Колледж, Дублин, Ирландия

Университет Тринити Колледж, Дублин, Ирландия

Анатомический театр университета Болоньи, Италия

Болонские студенты немецкой нации. Миниатюра XV в.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

ГЕРБЫ УНИВЕРСИТЕТОВ

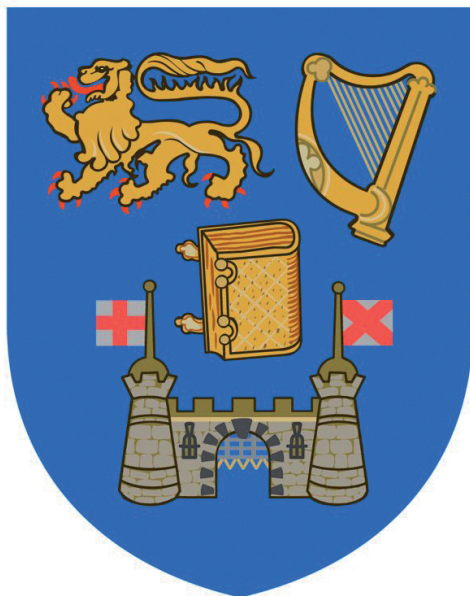
Герб Карлова университета, Чехия

Герб Университета Гейдельберга, Германия

Герб Университета Берлина, Германия

Герб Университета Тринити Колледж, Ирландия

Герб Университета Авиньона, Франция

Герб Университета Сорбонны, Франция

Герб Университета Болоньи, Италия

Герб Университета Флоренции, Италия

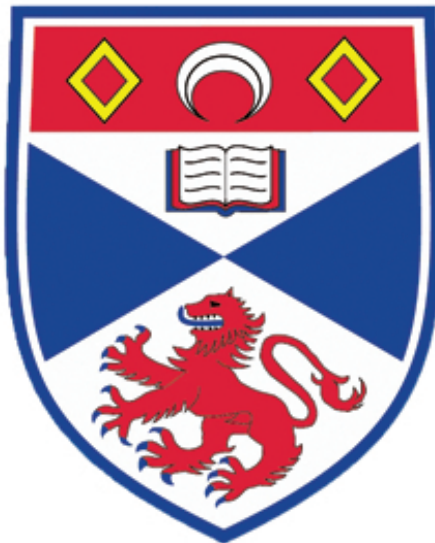
Герб Университета Модены, Италия

Герб Университета Саламанки, Италия

Герб Университета Глазго, Шотландия

Герб Университета Сент-Эндрюс, Шотландия

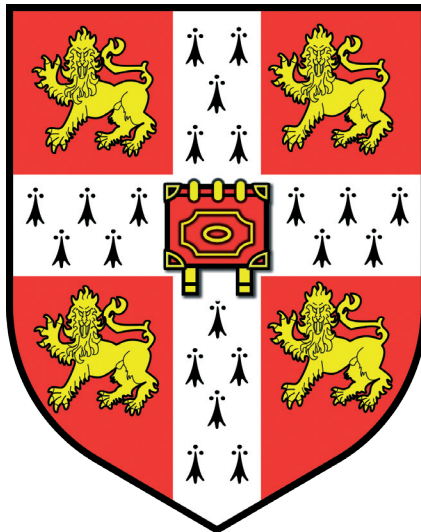
Герб Университета Эдинбурга, Шотландия

Герб Университета Солерно, Италия

Герб Университета Оксфорда, Англия

Герб Университета Кембриджа, Англия

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

Петерсон Ирина Робертовна

**История становления университетского образования
в Западной Европе**

Редактор Е.Г. Иванова

Компьютерная верстка Е.В. Достоваловой

Подписано в печать 25.03.13. Печать плоская.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Усл.-печ.л. 8,5. Тираж 100 экз. Заказ 10338.

Издательский центр
Библиотечно-издательского комплекса
Сибирского федерального университета
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79
Тел/факс (391) 206-21-49, e-mail: rio@lan.krasu.ru
<http://rio.sfu-kras.ru>

Отпечатано Полиграфическим центром
Библиотечно-издательского комплекса
Сибирского федерального университета
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел/факс (391) 206-26-58, 206-26-49
E-mail: print_sfu@mail.ru; <http://lib.sfu-kras.ru>